

Анастасия Топч

КОВЕН
ЗАБЛУДШИХ
ВЕДЬМ

18+

И СОБЕРЕТСЯ КОВЕН ВНОВЬ!

Young Adult. Книжный бунт. Фантастика

Анастасия Гор

Ковен заблудших ведьм

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гор А.

Ковен заблудших ведьм / А. Гор — «Эксмо», 2021 — (Young Adult. Книжный бунт. Фантастика)

ISBN 978-5-04-155259-6

Одри больше не бежит от прошлой жизни. Теперь она — полноценная Верховная ведьма, которая готова собрать новый ковен. Одри должна защитить Шамплейн от нерадивых родственников и вернуть Коулу утерянное. Ради этого она пойдет на все. Даже на то, чтобы освоить темную магию Шепота, отправиться в дикий ковен пустынных ведьм и заключить еще одну сделку с Дьяволом. Но как при этом не потерять свою душу? Или рассудок...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-155259-6

© Гор А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	5
I	7
II	20
III	35
IV	54
V	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Анастасия Гор

Ковен заблудших ведьм

Пролог

В лесу пахло сыростью, дубовой корой и снегом, что блестел на вершинах гор, обнимаемых солнцем. Лоснящаяся трава щекотала лодыжки, мокрая и отрезвляющая. Только раз в год ей позволяли покидать пределы башни – то был подарок на день рождения, который она не обменяла бы ни на какие драгоценности и игрушки. За стенами башни воздух казался ей слаще сахарной ваты. Она упивалась им, пыталась вобрать в себя весь без остатка.

Несмотря на то что каждый день рождения был гнетущим ожиданием вечера, накануне она всю ночь ворочалась в постели вовсе не от ужаса, а от трепета. Лежала с открытыми глазами, отсчитывая минуты, когда щелкнет дверной замок и няня позовет ее выйти. Этот день заслуживал лучшего наряда: нежное бирюзовое платье напоминало о недостижимом небе, а перья, вплетенные в волосы, о свободе, которой у нее никогда не было.

Прошло совсем немного времени с тех пор, как она узнала, насколько необъятен этот мир. По сравнению с ним ее комнатка казалась спичечным коробком. Танцуя в бликах музыкального торшера, она часто представляла себе, какого это – сбежать. На нее никогда не накладывали чар, не надевали путы: отец твердо знал, что она не решится на побег, не оставит их прозябать, слишком преданная своей семье. К сожалению, он был прав.

Сегодня она кружилась под ветвями сосен, совершенно счастливая, но ее счастье закончилось, когда она услышала, как ветка хрустнула под *его* ногой.

– С днем рождения, девочка!

Марк вышел из чащи, и Ферн замерла, почувствовав, как отцовская ладонь легла на затылок. Ее волосы заструились сквозь его пальцы, как жидкий липовый мед. Марк подвел ее к алтарю и мягко усадил перед разгорающимся кострищем. Ферн сложила руки на коленях, храбрясь.

Няня вынесла инструменты, разложенные на серебряном подносе, на котором обычно приносила эклеры с кремом, и осторожно разложила их рядом.

Неизбежная жертва. Неотвратимая судьба, которую она не выбирала.

– Ты уже распаковала подарки ковена? Как они тебе? – завел непринужденный разговор Марк, осторожно собирая ее волосы в хвост, чтобы они не мешали его работе. – Карандаши, книги, шкатулки, туфли... Все, что ты любишь. Мишель даже испекла шоколадный торт! Твой любимый. Подать его к столу после?

– Да, было бы неплохо, спасибо, – тихо проговорила Ферн, поворачиваясь к нему спиной и развязывая шелковый пояс. Она стянула платье через голову, чтобы не запачкать его кровью, как в прошлый раз.

Ветер щипал ее кожу, смягчая тревогу и жар, который разлился по телу. Марк подбросил в костер пучок сухих трав, вдохнул любимый аромат сандала и амброзии и продолжил приготовления.

В языках пламени Ферн могла видеть его отражение, как в зеркале. Худой и бледный, с пепельными глазами и серебром в волосах, Марк походил на призрака, пришедшего терзать ее душу. Медальон в форме скарабея, висящий на его шее, бил ее по плечу каждый раз, когда он наклонялся.

Надавив Ферн на макушку, Марк заставил ее опустить голову и выгнуть спину, но даже в таком положении она краем глаза любовалась изумрудным лесом. Ферн мысленно прощалась

с ним до следующего года. Скоро все вокруг накроет тьма: она придет следом за болью, когда та сделается совсем невыносимой, и подарит Ферн сладкое забытие. Но сначала...

Сначала надо терпеть. Ради ковена. Ради папы.

– Что же, – протянул Марк, раскалив острие скальпеля над огнем, а затем щедро сдобрив его толченой солью. – Пора петь, дочка.

Ферн зажмурилась, выдавливая из себя первый куплет:

– Ты дверь открой туда, где в темноте мой сад цветет – пусть ему рассвет споет. Это место только для двоих, но мороз здесь все убил. Розы гибнут на ветру – тебе я силу отдаю.

Багровая змейка, пустившаяся в пляс по молочной коже. Ровное течение песни. Чудом сдержанные рыдания, сотрясающие грудную клетку. Марк с хирургической точностью вырезал маленький лоскут под ее лопаткой, отогнул его, как обертку, а затем протолкнул скальпель вглубь. У Ферн закатились глаза. Марк держал ее за шею, но она даже не пыталась вырваться. Ее тонкие пальцы раздирали влажную землю, как отец раздирал ее саму.

– Пусть плоть болит, пусть кровь бежит – песнь все заморозит. Сиянию сердце отвори, дай моей любви в тебя войти. Она наполнит чашу до краев – ты вытешь и цветущий сад спасешь.

Марк сделал последний надрез и отложил скальпель. Крови набежало достаточно: если бы няня, суестьющаяся рядом, не прикладывала к ее спине целебные припарки, Ферн бы уже давно потеряла сознание. Но запах полыни и неразборчивый шепот Марка удерживали ее на грани обморока, не позволяя все испортить, прервав священное таинство.

Голос сорвался, но Ферн допела:

– Твой век моя магия продлит, и розы расцветут в прекрасный миг.

Марк взял щипцы, осторожно снял вырезанный кусочек плоти и положил его на свой медальон, позволяя Ферн завалиться на бок, чтобы найти утешение в холоде и беспомощности.

Песнь подействовала. Кровь, залившая руки Марка, светилась: он никогда не надевал перчатки, ему хотелось вобрать ее магию до последней капли. Скарабей сиял: впитав боль и силу, что жила в каждой клеточке тела истинной Верховной, он раскалился в руках Марка добела. Из медальона, как из колодца, магию можно было черпать еще целое десятилетие, но едва ли Марку с его аппетитами хватит ее и на год.

Теперь рядом с двенадцатью одинаковыми шрамами на спине заживал еще один – безобразный, как и этот ритуал. Скоро на спине Ферн не останется места, и тогда Марк перейдет на ее плечи, затем на руки, а после на грудь и живот. Она была рождена, чтобы страдать во имя ковена, и отлично справлялась со своей задачей.

Это был ее тринадцатый день рождения, и ей предстояло провести так еще сто двадцать лет.

I

Неприкаянный

Сегодня был последний раз, когда я кромсал лишь деревянный манекен, а не живую плоть. Наставник подошел и вложил мне в ладонь навахон. С палисандровой рукоятью, меч будто становился продолжением руки. Я навсегда запомню его сокрушительную тяжесть, которую мог бы обрушить на любого в любой момент. А еще я запомню слова, от которых меня замутило.

«Теперь ты будешь делать то же самое, но только с живыми ведьмами, сынок. Ты быстро втянешься. Это в твоей крови».

Не понимаю... Что такого страшного способна сотворить магия, чего еще не творили мы?

На закате Руфус поведет охоту. Ходят слухи, что часть колумбийского ковена уцелела и теперь прячется в Гринвилле. Ведьм пять или шесть, не больше, и половина из них дети.

Смогу ли я сделать это? Смогу. Но смогу ли жить с этим после как ни в чем не бывало?

После обеда ко мне подошла Лисса. От нее всегда пахнет овсяным печеньем. В этот раз она протянула мне пару штук. Говорит, что тоже скучает по своей ферме в Тарберте. У нас с ней много общего. Лиссе дали короткий танто из дамаска. Я спросил ее, почему мы обязаны делать это. Она ответила, что это неправда: мы вовсе не обязаны на самом-то деле. Дэрил сделал вид, что ничего не услышал, но лучше ей впредь не говорить такое. По крайней мере, при остальных.

Завтра меня ждет ужасный день, но, клянусь, вечером я поцелую Лиссу. Я наконец-то сделаю это! Надеюсь отделаться пощечиной, а не сломанной челюстью, хотя это как повезет. Руфус говорит, я нравлюсь Лиссе, но, по-моему, ей нравится только печенье. Я не должен думать об этом сейчас... Однако легче думать об этом, чем о завтрашнем дне.

Благослови Господь наши души. И души ведьм тоже, если они у них есть.

* * *

Я перелистнула страницу и, вложив бархатную закладку, закрыла дневник. В кожаной обложке, он выглядел потрепанным, повидавшим многое на своем веку. Первая запись была сделана за десять лет до моего рождения, и местами чернила расплылись – кое-что прочесть было уже невозможно. Но эмоционально читать дневник было куда тяжелее.

– Прости, что тебе приходится делать это, – сказал Коул, поглаживая мои ноги, лежащие на его коленях. – Я даже представить не могу, что чувствует ведьма, читая о геноциде других ведьм. Если хочешь, могу попросить Гидеона...

– Все нормально, Коул, – заверила я, выдавив улыбку. – Конечно, закажи мы все-таки пиццу, дело бы шло куда веселее, но... Мои глаза – твои глаза. Я буду читать тебе столько, сколько захочешь. К тому же мне и самой любопытно. Кажется, твой отец был неплохим парнем. А Лисса – твоя мама, верно?

Коул кивнул, задумчиво повернувшись к далеким серым волнам, бьющимся о песчаный берег, будто мог видеть их. Его глаза успели зажить за эти месяцы, но карие радужки и темные зрачки засеребрились. Снежная пелена, потушившая огонь и не оставившая тепла.

Темно-кофейные кудри, подстриженные неделю назад навещавшим нас Гидеоном, спутались из-за рьяного бриза. Коул охотно подставлял ветру лицо: в последнее время он редко покидал пределы дома, из-за чего кожа его выцвела, утратив жизнерадостный румянец и львиную долю веснушек. Он похудел, часто отказываясь от еды, точно тигр, медленно чахнувший

в неволе. Скулы заострились, безукоризненно гладкие: никогда бы не подумала, что смогу достичь таких высот в мужском бритье!

Прохладные пальцы Коула очертили линию моей челюсти, возвращая в реальность, и я придвинулась ближе, сминая плед, которым была накрыта холодная скамья.

– Где вы сейчас? – спросил он.

Я вздохнула и, спустив ноги на землю, прислонилась к его плечу.

– На пути в Филадельфию. Зои уже должна быть в часе езды от города. *Видение* снова направляет ее.

– Значит, чистка помогла?

– Ну, после пятнадцати попыток... – протянула я, вспоминая и ванны при лунном свете, и очищение воском, и даже заговоренных пиявок. – Не знаю, что именно сработало, но обезвреживающие чары Ферн спали. Чуйка Зои снова в деле! Надеюсь, она окажется эффективнее, чем мои руны, но в этот раз они единодушно направляют нас в одно и то же место. Это определенно должен быть кто-то особенный.

Коул ласково собрал в хвост мои волосы – темно-русые, почти цвета латте, – чтобы они не лезли ему в лицо от ветра, и наклонился, ища мои губы. Его глаза рефлекторно следовали за звуком моего голоса. Я приложила ладонь Коула к своей щеке и потянулась навстречу.

– А что потом? – спросил он, вдруг передумав целовать меня и нахмурившись. – Ты вернешься домой?

– Ну, если этот колдун согласится...

– Так это колдун? Не ведьма?

– Зои утверждает, что колдун. Так вот, если он примкнет к ковену... Нас будет трое.

– И что с того?

– Я смогу воспроизвести ритуал Авроры, войти в Нью-Йорк и отобрать Вестники назад.

Коул переменялся в лице. Слепота будто лишила его контроля над мимикой: теперь он невольно выражал даже те эмоции, которые надеялся спрятать на глубине. Например, страх и гнев, когда я снова заговорила об этом.

– Отобрать Вестники у ковена враждебных ведьм?! Мы ведь обсуждали! Даже если у тебя получится снять барьер, это все равно не...

– Я знаю, что делаю, Коул. – Я мягко остановила его, прижимаясь вплотную и заставляя жадно вздохнуть. – Доверься мне. Я делаю это не только ради Вестников... Возможно, в ковене Авроры найдется целительница.

– Даже если и найдется, едва ли она сможет меня вылечить, – хмыкнул Коул мрачно. – Я все еще охотник. Магия на меня не действует.

– Уже действует – *моя*. Мы же связаны, – напомнила я, растирая пальцами метку на своем запястье. – Нужно лишь освоить дар исцеления, и я вылечу тебя сама...

– Ты обещала не заикливаться на этом, Одри. Твоя первоочередная задача – восстановить ковен, чтобы дать отпор Ферн. Мы не знаем, когда она вернется. Нельзя быть такой разборчивой, отказывая ведьмам, которые не обладают даром целительства... Три месяца прошло, а ты так никого и не привела.

– Вообще-то кандидаты сами отказывали мне. – Я потянулась к фарфоровой чашке на столике: мятный чай все еще дымился. – Впрочем, я ничуть не жалею об этом. Они все бесполезные! Самоучки, знающие о магии разве что из интернет-форумов. Мне же нужны сильнейшие.

Я сделала глоток, молясь, чтобы новый колдун оказался тем самым – целителем, которого днем с огнем не сыщешь. Этот редчайший дар – последняя надежда, что у нас осталась, после того как все магические порошки были перепробованы, и даже традиционная медицина оказалась бессильна. Рубцы на роговице и выжженные зрительные нервы, которые невозможно восстановить, – такой диагноз поставил приглашенный доктор Стюарт. Это его Коул ежегодно

подкупал на медкомиссиях, чтобы оставаться в рядах полиции. Однако такие подкупы остались в прошлом: как только в участке прознали о травме Коула, его тут же отправили в «безвременный отпуск», что было сродни неофициальному увольнению. Лишь благодаря тому, что Сэму удалось представить слепоту Коула как «ранение на дежурстве», он продолжал получать солидные выплаты по страховке. Но, разумеется, никакие деньги не могли заменить ему дело всей жизни.

Чтобы виртуозно освоить дар исцеления самостоятельно, по гримуару, мне бы потребовались годы. Коул не мог так долго ждать, да и чувство вины мешало мне сосредоточиться. Я не могла провести на одном месте и часа, не говоря уже о том, чтобы закопаться в книгах и зазубривать аффирмации. Утешение для меня нашлось в безустанном поиске. Беспокойный сон, постоянные путешествия и по десять новых знакомств в день – лишь бы найти хоть какое-нибудь доказательство, что эффект от мэцубуси обратим.

– Как ты узнала способ снять барьер с Нью-Йорка? – вдруг спросил Коул. – Это ведь древняя и сложная практика, которую Аврора вписала в... Стоп... Секунду. – Коул вспыхнул, даже не удосужившись выслушать мое оправдание. Впрочем, ему все было ясно и так. – Шепчущая глава Авроры опасна, Одри! Ты же говорила, что она основывается на жертвоприношениях, что это воплощение кровавой стороны колдовства... – забормотал он, распалившись лишь больше от моего гнетущего молчания.

– Это исключительно ради дела! И кстати. – Я выпрямилась, со звоном вернув чашку на блюдце. – Я пришла к тебе не для того, чтобы слушать нотации или причитания, какая я глупая и несносная. Сама это знаю. Я пришла, потому что соскучилась. Так почему мы все еще обсуждаем Аврору, вместо того чтобы целоваться?

Коул хмыкнул, но сдался, когда я вновь навалилась на него. На этот раз я действовала решительно, быстро завладев его губами, пока их не заняла очередная болтовня. Когда ветер усилился, а я замурлыкала от прикосновения рук Коула под своей рубашкой, он произнес:

– Я ненавижу себя за то, что не могу отправиться с тобой и защищать, как раньше.

Я знала, что рано или поздно эти слова прозвучат вслух. С тех пор как случилось то, что случилось, и мы вернулись в Вермонт, Коул ни разу не заговорил о своей беспомощности. Лишь постоянно рвался проявить самостоятельность, из-за чего на кухне билась посуда, а на его лбу выступали шишки от дверных косяков. Иногда я замечала, как тоскливо он водит пальцами по запястью, выискивая черную метку, которой было больше не суждено гореть.

– Пробыть атташе пару недель и сразу же уйти в отставку... – Коул рассмеялся, но смех его был печальным. Он поцеловал меня в шею, не закрывая слепых глаз, и я с раскаянием заглянула в них, не зная, что ответить. – Наверное, Гидеон был прав. Не зря родители хотели держать нас подальше от охоты. Раз уж так суждено... Буду ждать тебя дома. Возвращайся скорее.

Я сжала руку Коула, задержав взгляд на его пижамных штанах в шотландскую клетку, которые у него больше не находилось повода переодеть. Погода на улице стояла прохладная, но согревающие чары делали свое дело.

Все это... Все из-за меня.

Тряхнув головой и приподняв лицо Коула, я прошептала, надеясь, что мой голос не дрогнет от слез, которые я никак не могла выплакать с того самого дня:

– Ты все еще мой атташе. И, клянусь, я все исправлю! Я верну твоё зрение, Вестники, ковен... Просто дай мне еще немного времени. К концу недели мы вернемся в Берлингтон, а пока компанию тебе составят Гидеон и Сэм, хорошо? Знаю, никто из них не сравнится со мной по крутости времяпрепровождения, но... Исаак писал, что купил игральные карты для незрячих и ящик бельгийского пива, так что у вас планируется вечеринка. Обещай выпить хотя бы пару глотков и оторваться как следует! Чур, девочек не приглашать.

Коул даже не попытался улыбнуться в ответ. Поднявшись со скамьи, я помогла ему встать. Двигаясь заторможенно, он выставил вперед руку, боясь натолкнуться на угол мебели. Проведя его мимо чайного столика в балконную арку, я довела Коула до постели и осторожно усадила на подушки. Таймер на смартфоне закукарекал: бросив тоскливый взгляд на часы, я убрала дневник в тумбу и быстро закрыла балконную дверь.

– Ну же, выше нос! Как только вернусь, продолжим читать дневник Дэниэля. А еще у нас скоро праздник – *Остара*. Я покажу тебе, как его принято отмечать в моем ковене. Спойлер: кролик – тематическое животное, так что секс и размножение приветствуются. Будет здорово! – воскликнула я, наблюдая, как Коул вытягивается на мягкой постели, залившись пунцовым цветом, и что-то сбивчиво бормочет в ответ, поправляя пояс штанов. – Я люблю тебя, Коул.

Коул смягчился каждый раз, как слышал эти слова, и каждый раз повторял:

– И я тебя люблю. Будь осторожна.

Я глубоко вдохнула и покинула спальню со щемящей болью в сердце, оставив Коула в одиночестве.

Впущенный открытыми настежь окнами сквозняк гулял по коридорам. Март в Вермонте выдался едва ли не дождливее, чем октябрь: ливень шел сутками и всегда начинался внезапно, как по щелчку пальцев. Кажется, солнечным выдалось лишь одиннадцатое число, и то лишь благодаря мне. Ясная погода – единственное, что я смогла сделать для Коула помимо домашнего яблочного пирога, чтобы хоть как-то скрасить его худший в жизни день рождения.

Вот и опять небеса разверзлись: по крыше застучала усыпляющая дробь. Солнце едва пробивалось сквозь тучи, и его приглушенный свет раскрасил все в шафрановые оттенки.

Я оглядела винтовую лестницу, уходящую еще на два этажа вверх, и поморщилась при виде открытой двери на чердак, где стоял алтарь матери. Ветер постоянно распахивал ее, и даже ведьмовская печать не могла совладать с ним. Будто приглашая меня войти и занять свое место, кабинет Виктории ожил, как только мы поселились здесь. Я закатила глаза и, обойдя его стороной, спустилась вниз, следуя за соблазнительным запахом, обещающим гастрономические изыски.

– Не знала, что ты умеешь готовить.

Сэм едва не перевернул противень, доставая его из духовки.

– Когда ты появилась?! Перестань так делать! Сердце в пятки уходит от этих ваших телепортаций.

– Я была наверху уже полтора часа. Так, значит, ты смотришь кулинарные передачи? Это ведь треска по рецепту Джейми Оливера... – протянула я, ткнув вилкой в посыпанную семенами фенхеля рыбу, лежащую на овощной подушке.

Сэм стянул с рук прихватки и фыркнул:

– А что такого? Я живу один с восемнадцати лет. Естественно, я должен уметь готовить! Это залог выживания.

– Хм, вкусно, – констатировала я, попробовав кусочек. – Не против, если я прихвачу с собой порцию? Зои осточертели всякие забегаловки. Она сейчас душу бы отдала за домашнюю стряпню.

Сэм вздохнул, послушно доставая пластиковый контейнер.

Хотя Сэм все еще оставался ночевать в доме Шамплейн крайне неохотно, он уже перевез сюда часть своих вещей. Правда, называл особняк «логовом призраков» и с трудом засыпал по ночам после моего рассказа о том, как Джулиан прирезал здесь всю нашу семью. Мне и самой приходилось нелегко: каждый раз, переступая порог дома, я боролась с инстинктивным желанием бежать без оглядки. Но возродить ковен в другом месте было почти невозможно. Здесь находилось самое безопасное пристанище, защищенное от Ферн и всех, кто мог попытаться навредить нам: Нимуэ неустанно стерегла берега озера, а защитный морок делал лес

непроходимым для незваных гостей, даже для таких сильных, как Ферн. В особняке все еще витал душок смерти, который ничем нельзя было вывести, но благодаря Сэму, Гидеону и Исааку, бдящим возле Коула день и ночь, здесь наконец-то поселилась жизнь. И пахла она рыбой с чесноком и лимонграссом.

– Как там Зои? – осторожно поинтересовался Сэм, всеми силами пытаюсь изобразить равнодушие, будто он ничуть не соскучился по ней и не строчил по ночам сопливые эсэмэски, которые Зои тайком давала мне читать. – Она не против, что ты вот так бросаешь ее одну?

– Зои сама выгоняет меня из машины, чтобы спокойно медитировать за рулем, – закатила глаза я.

– Она медитирует прямо во время вождения?!

– Я тебе этого не говорила.

Закрыв контейнер и прижав его к себе, я снова глянула на часы, надеясь, что Зои не успела уехать слишком далеко и моя связь с куклой джу-джу еще не оборвалась.

– Это тоже забери, – сказал Сэм, вытягивая из кармана шорт золотой браслет и кидая его мне в руки, словно это была граната. – Он вибрирует после захода солнца. Меня это нервирует!

Я взглянула на цепочку, в которой текла энергия, прежде мною не виданная. И как я могла так долго не замечать, чем гримы являются на самом деле? Теперь, заключенные в подарок Коула, как в тюрьму из ювелирного золота, тройка демонических котов уж точно не посмеет одурачить меня вновь.

– Зачем ты заперла их? – поинтересовался Сэм, когда я убрала браслет в сумку, так и не осмелившись надеть его. – Кажется, они хорошие ребята. Они ведь спасли меня тогда... Нас всех.

– У меня нет времени разбираться с ними, – объяснила я. – Гримы, шеду или просто трикстер, которому нравится притворяться... Я уже не верю ни единому их слову. Когда будет время, тогда и займусь этим. А пока пусть сидят и размышляют о своем поведении! – крикнула я, засунув голову в сумку. – А ты, Сэм, присматривай за Коулом.

– Чтобы снова в какую-нибудь междоусобную войну ведьм не ввязался и еще чего не лишился, помимо глаз? – бестактно пошутил он, но у меня от этих слов все сжалось внутри.

– Да. И чтобы поел. Не отпускай его к озеру без сопровождения. Нимуэ только и ждет, когда он окажется в ее водах.

Заметив выражение моего лица, Сэм виновато притих. Проходящий мимо Штрудель потерял о мои ноги, протяжно мяукнув. Я наклонилась и почесала его за ушком, а затем открыла дверь и переступила черту из железной стружки и битого стекла.

– *Верни мое тело туда, где вязь и маяк ждут меня. Сохрани кости, плоть и кровь без ошибок и следов.*

Последние слова были чистой импровизацией – мне пришлось добавить их после того, как я случайно оказалась в дебрях Аляски перед берлогой гризли. Надеюсь, что новые меры предосторожности не подведут, я задержала дыхание и позволила вихрю из магии поглотить меня и перенести туда, где ревела магнитола, а запах свежей выпечки дразнил аппетит.

– Ты только что отъехала от заправки? – догадалась я, наблюдая, как Зои уминает булочку с джемом, не отрываясь от дороги. На ее коленях лежала плетеная джу-джу, набитая кроличьим мехом и вороньими косточками с прядью моих волос. Маяк сработал безошибочно. – Хорошая идея была с куклой. Даже не тошнит почти. О, мы подъехали к городу...

– Ага, – промычала Зои, вытирая рот. – Ты перенеслась в машину на полном ходу. Это успех. В такие моменты я завидую Верховным. Ну что, как там поживает Коул?

Голова все же кружилась, как флюгер, но это было не сравнить с первым разом, когда после перемещения меня рвало еще неделю. Я убрала контейнер Сэма, приоткрыла окно, чтобы вдохнуть свежий воздух и рассмотреть пригород Филадельфии, состоящий из маленьких коричневых домиков, поросших плющом.

– Держится бодрячком, но мы оба знаем, что он чувствует на самом деле. Из-за нашей связи иногда это чувствую и я. Тебя в детстве когда-нибудь забывали в крошечной темноте? То, что испытывает Коул, очень похоже на это.

Зои бросила на меня хмурый взгляд. Напомнив себе о миссии, я заставила себя взбодриться и улыбнулась во весь рот:

– Хочу кабриолет.

– Кабриолет? – переспросила Зои. – Еще неделю назад ты хотела «Форд» – мы угнали «Форд». Кабриолет был до этого. Дважды. Сколько можно?

– Прошлый кабриолет выбирала ты, а теперь хочу выбирать я. Синий! Лучше всего «Камаро».

Зои закатила глаза, но смирилась с моей прихотью и пошевелила пальцами, лежащими на руле. В боковом зеркале я увидела, как преобразилось наше красное авто, записанное на имя какого-то Дрейка, которого мы хорошенько обработали в кафе неделю назад. Теперь машина выглядела так, будто сошла со страниц ретрожурнала. Заерзав на неудобном узком сиденье, я буркнула:

– Это всего лишь морок. Совсем не то.

– Какая разница? На вид-то «Камаро». Хватит уже воровать! Хочешь, чтобы нас и в Пенсильвании объявили в розыск? Совершать преступление за преступлением – не лучший способ решить свои проблемы.

– Да, но лучший способ поднять себе настроение.

– Когда Коул узнает...

– Я справляюсь, как могу. Мы уже третий месяц колесим по Америке! Неужели я не имею права хоть немного расслабиться? Уж не тебе меня судить, – хмыкнула я, кивнув на сумку Зои на заднем сиденье, где покоился череп Мари Лаво, набитый таким количеством кокаина, что хватило бы на армейский батальон. – Итак... Что за ведьмака ты нашла?

Я устроила ноги на бардачке и заискивающе взглянула на Зои, стараясь не думать, что ее терпение когда-нибудь закончится. Молча ткнув пальцем куда-то вперед, она включила поворотники.

– Бар под названием «Бар»? – прочитала я вывеску, прищурившись. – Им срочно нужен новый креативный директор.

Место и впрямь выглядело захудалым: прогнивший порог, скопище мотоциклов на парковке, обклеенные плакатами стены и шумная компания татуированных мужчин, курящих за углом. Полный набор.

На всякий случай прошерстив гримуар и освежив в памяти защитные заклятия, я оставила рюкзак в машине и выбралась наружу, потягиваясь. Зои, не обращая ни на что внимания, смяла коробку от булочек и выкинула ее в мусорное ведро, стоящее рядом с байкерами. Они перестали гоготать и недобро оскалились.

– Филадельфия такая Филадельфия, – вздохнула она, вальяжно толкая входную дверь.

Внутри стоял смрад дешевой выпивки и общественного туалета, в который выстроилась очередь за углом. Неоновые вывески слепили, а отовсюду выглядывали постеры с изображением женских форм и непристойными ругательствами – похоже, хозяин бара не был силен в дизайне. Пройдя в глубь заведения к бильярдным столам, осажденным реднеками, я завертела головой.

– Ну и кого мы ищем? – спросила я нетерпеливо, пока Зои невозмутимо заказывала у бармена джин с ягодным соком. – Кого-то вроде Рафаэля?

Зои обернулась на звук шара, закатившегося в лунку, и обвела взглядом столики. Ее губы расплылись в улыбке.

– Нет, кого-то вроде тебя.

И я мгновенно узнала его. Не то голубые, не то синие волосы, выбритые на висках, будто бы впитали в себя неистовство океана: перламутровый глубокий цвет переливался всеми оттенками сапфира. Обычная краска не могла создать такого завораживающего эффекта, а вот магия – запросто.

Я подошла ближе. Миндалевидные глаза василькового цвета сосредоточенно следили за оставшимися шарами. Бронзовая кожа, ястребиные черты лица, рост под два метра и стальной блеск, рассекающий линии лица: тонкое колечко на нижней губе и такое же, только с шипами, в носовой перегородке. Пирсинг дополняли угольно-черные татуировки, которые покрывали все его тело: складываясь в сигилы, они не оставили и просвета чистой кожи. Я узнала на его шее руны Хагалаз и Перт, вплетенные в геометрические фигуры, доходящие до подбородка. На вид юноша был не старше Коула, но ему вполне могло быть и за сотню лет.

– Вон в ту лунку, – заявил лысый байкер, стоящий на другом конце бильярдного стола. – Ставлю сто баксов, что промажешь, мексикашка.

– Как скажешь.

Байкер глумился, потягивая сигару, пока ведьмак демонстративно примерялся кием, теребя кончиком языка колечко в губе. Длинные пальцы, увешанные перстнями и отстукивающие по столу шаманский ритм, выдавали его: искры вились и распускались, как лепестки сказочных цветов, недоступные для человеческих глаз, но вполне осязаемые.

В воздухе запахло электричеством.

Неоновые вывески мигнули, проигрыватель заело – секунда, и ведьмак без лишних церемоний ударил кием по шару. Тот покатился и, виляя от стенки к стенке, угодил точно в цель.

– Бесовщина! – ахнул байкер, на что колдун лишь усмехнулся и выдернул из его пальцев смятые купюры.

– El ganador se lo lleva todo¹, амиго. Марго, налей нам с другом еще виски!

Я подошла вплотную, и ведьмак развернулся с пустым бокалом в руке, едва не проткнув меня кием.

– Осторожнее! – воскликнул он, отшатываясь, пока я спокойно изучала его, прислушиваясь к интуиции: подходит ли он мне? Сделает ли ковен сильнее? Смогу ли я его убедить? – Эй, какие-то проблемы? Ты новенькая, да? – спросил он с нахальной улыбкой, обнажая ряд белоснежных зубов, светящихся в ультрафиолете. – Позови Марго, будь душкой...

– Выбери карту.

Я вытащила руку из кармана и раскрыла заранее приготовленный веер из старших арканов Таро. Колдун недоверчиво сощурился, и его волосы замерцали, отливая бирюзой. Похоже, он нервничал.

– Это что, фокус какой-то?

– Вроде того. Выбери, – повторила я упрямо.

Скривившись, колдун небрежно выдернул одну из карт и сунул мне, даже не удосужившись развернуть ее и узнать, что он вытащил.

– Колесо фортуны, – озвучила я. – Авантюрист, игрок, фаталист. Независимый, любопытный, конфликтный. Звучит неплохо. О, а тут у нас что... – Я отлепила от карты еще одну. – Хм... Смерть? Это странно.

– Ага-ага, – безразлично вздохнул колдун, крутя кий. – Так ты согласишься сходить за Марго и принести мне вискарь?

– Или что? – спросила я, возвращая карты в колоду. – Заколдуешь меня, как тот бильярдный шар? Учти, со мной будет посложнее, просто так к выходу я не покачусь.

Он осекся, и голубые глаза распахнулись шире. Актерское мастерство давалось ему не так хорошо, как мошенничество, и попытка отделаться от меня прозвучала совсем неубедительно:

¹ El ganador se lo lleva todo – победитель забирает все (исп.). (Здесь и далее прим. авт.)

– Ты кислоты нажралась? Иди проспись.

Он попытался обойти меня, отодвинув в сторону, но Зои заблокировала ему путь к отступлению, пролегающий через узкий проход между столиками. Сложив руки на груди, она многозначительно повела бровью, показывая: просто так ему от нас не отделаться.

Ведьмак вздохнул.

– Нынче статья за колдовство есть? – вспылил он, решив перейти в наступление. – Вы не выглядите как охотники на ведьм. Чего вам надо, сладкая парочка?

– Следи за языком, когда говоришь с Верховной, – произнесла Зои то, от чего меня пере-дернуло. Взгляд колдуна метнулся ко мне, и его лицо просияло.

– Ох, прошу меня простить, Ваше Верховенство. – Он умело изобразил реверанс, хохоча, а затем вскочил на край опустевшего стола для бильярда. – Чем я, жалкий раб, могу услужить вам?

Я взглянула на компанию поджарых мужчин, распивающих пиво по соседству, но они уже переключились с бильярда на дартс. Громкая музыка заглушала наш разговор, а тем, кто все же мог его услышать, было плевать. Я посмотрела на Зои, которая забирала с барной стойки свой долгожданный коктейль, и позавидовала ее выдержке. Сколько бы неприкаянных я ни встретила, сколько бы раз ни произнесла заготовленную речь, меня все равно бросало в озноб, как перед выходом на сцену. В прошлые три раза ничего не получилось: одна из ведьм сбежала, даже не дослушав; другая попыталась обокрасть меня, а третья была в таком непотребном состоянии, что не могла связать и двух слов. Но все они были слабы и уж точно не были цели-телями – таких пустозвонов природа бы не вознаградила столь щедро. Но сегодня... Сегодня мне могло повезти.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Диего Меса, – представился колдун неохотно.

– А мое имя Одри Дефо, и я хочу пригласить тебя, Диего, в свой ковен.

Его темные брови взлетели вверх. Услышанное показалось ему настолько забавным, что бронзовую кожу разукрасил ягодный румянец. От обиды я чуть не прикусила себе язык.

Лишь перестав смеяться, Диего ответил:

– Не слишком ли ты юна, чтобы быть Верховной?

– Тест на Фейсбуке сказал, что мой психологический возраст пятьдесят шесть.

– А ты смешная. – Он ухмыльнулся, снова теребя колючку в губе. – Обычно ковены стараются держаться от меня подальше... Стоит мне заявиться на чужую территорию, как ко мне тут же отправляют посыльного с вежливой просьбой свалить. Ты, наверное, тоже заметила, что я не очень-то смахиваю на идеального кандидата. Я проблемный. А зачем тебе лишние неприятности?

– Потому что ты ни в какое сравнение не идешь с теми неприятностями, что у меня уже есть, – призналась я. – И мне нужна помощь, чтобы справиться с ними. Это... долгая исто-рия. Если коротко, то на мою власть претендует кое-кто другой. А еще есть человек, которому твои знания, возможно, помогут вернуть утерянное... Да и мне самой найдется, чему у тебя поучиться. Видишь ли, я в этом деле новенькая.

– То есть ты стала Верховной недавно, – уточнил Диего с насмешкой. – И сколько же в твоём ковене ведьм?

– Ну... Нас пока только двое, но мы весьма перспективный ковен.

Диего закрыл глаза и удрученно помассировал лоб рубиновым камнем в одном из его перстней.

– Ясно. А название у мини-ковена есть?

– Шамплейн. Может быть, ты слышал о нем.

Диего резко отнял руку от лица. Судя по всему, рассказывать о Шамплейн не было нужды – он и так все знал.

– Да, вы сторожите границы одноименного озера в Вермонте. Сильный ковен. *Был*. Я думал, вас истребили.

– Так и есть, но кое-кто уцелел – я. И у тебя есть шанс войти в число первых моих... приближенных. Я выделю тебе комнату в семейном особняке, дам доступ к старинному гримуару и всем ингредиентам, что потребуются. Продукты и выпивка тоже за мой счет. Видишь ли, мне по наследству столько драгоценностей и антиквариата перепало, что теперь я очень щедрая. Только дай клятву, научи меня тому, что знаешь сам, и следуй за мной. Но не как за Верховной, нет... Как за другом. Мы даже можем стать семьей.

Я обошла стол, скользя пальцами по зеленому бархату, чувствуя, как моя кожа горит от его взгляда. Он действительно любопытный и готовый пойти на риск, как и сказала Фортуна. Заинтересованный вопреки всему.

Зои причмокнула, отпивая свой коктейль, и бодро поддержала:

– Соглашайся! Выпивка у нее и впрямь что надо. Да и спальни просторные.

Диего раздумывал несколько минут, подперев подбородок кием. Следя за каждым моим движением, он молчал, а я покорно ждала ответа. Увидев, как медленно проясняется его лицо, я почти улыбнулась, мысленно празднуя победу, но вдруг услышала:

– Извини, но мне не нужен ничей поводок, тем более бесхребетной девчонки, у которой еще молоко на губах не обсохло.

Мне будто отвесили пощечину. В груди растекся жар: ярость, подобная жидкому огню. Зои поперхнулась и отставила бокал, качая головой, будто хотела образумить не то меня, не то его. Но для нас обоих было слишком поздно.

– Колдуны, состоящие в ковене, сильнее, – вернув себе самообладание, я решила дать Диего второй шанс. – Верховная отдает часть своей магии как первоисточник. Если тебе нравится дебоширить и кидать людей на деньги – пожалуйста! В моем ковене это не запрещено...

– Да что мне может дать твой ковен, кроме головной боли? – огрызнулся Диего, спрыгивая со стола. На его повышенный голос обернулись несколько постояльцев, но он повел пальцами, и те мгновенно все забыли, вернувшись к своим делам. – Если мне не изменяет память, то Шамплейн уничтожил один из детей Верховной... Значит, это сделал твой родственник, не так ли? Возможно, даже брат или сестра. А где же в это время была ты? Небось пряталась в кладовке?

– Одри, – позвала меня Зои, выступая вперед. – Идем отсюда.

– Ты выглядишь жалкой, упрашивая меня присоединиться к тебе, – усмехнулся Диего, сделав шаг ко мне, оцепеневшей от его слов. – Тебя, очевидно, не воспитывали как Верховную, потому что Верховные не просят – они велют. Верховные не приходят сами – они зовут. Верховные умеют справляться со всем в одиночку. А ты лепечешь о семье, о дружбе... Как сопливый ребенок. Поэтому мой ответ очевиден: нет! Катись к черту, пока я еще в хорошем расположении духа и не отвел тебя к нему сам.

Я открыла рот, пытаясь вставить хоть слово, но Диего все не затыкался. Его глаза опасно блестели. Он провоцировал меня. Зачем?

– Прекрати, – процедила я, сжав кулаки. – Чего ты добиваешься?

– Пытаюсь узнать тебя получше, – улыбнулся Диего, медленно приближаясь, как надвигающийся ураган. Электричество снова затрещало в воздухе. – Свой истинный лик люди являют лишь в гневе. Давай, Одри Дефо... Покажи мне, что ты действительно Верховная. Или я прав и ты лишь испуганная девочка, которая даже губы ровно красить помадой не научилась?

– Я выше твоих школьных дразнилок, увы, – хмыкнула я, разворачиваясь, чтобы сбежать от Диего, как и от тьмы внутри меня, к которой он взывал. От злости во рту горело. Мне хотелось запить все джином, который остался в бокале Зои, но едва я потянулась к нему, как мою руку перехватил Диего. Он стиснул ее так крепко, что затрещали кости, и от этой боли щелкнул выключатель у меня в голове.

– *Xordos*, – шепнула я, зыркнув на него исподлобья, и Диего оглушило. – *Hagalaz!*

Он вскрикнул, отшатываясь и зажимая уши руками, но тут же хрипло засмеялся. Его нос кровоточил, лицо заливало кровью, но даже когда я повторила заклятие, делая шум в голове Диего невыносимым, он не перестал смеяться.

– Да что с тобой не так?! – воскликнула я растерянно, наблюдая, как он слизывает кровь с верхней губы, едва не закатывая глаза от удовольствия.

– Со мной все не так, как и с тобой. Мы же, черт возьми, ведьмы! *Tenebris ratio*.

Диего схватился за свой кий. Один взмах, точно посохом, один удар о землю – и люди вокруг растворились, как миражи. В баре резко потемнело, словно кто-то выкрутил все лампы. Стало холодно, как в морге, и все вокруг посерело, поблекло. От шипения музыкального проигрывателя в углу теперь заложило уши и у меня. Оглянувшись и не увидев рядом Зои, я вдруг почувствовала тугие жгуты, обвивающие лодыжки. Диего зацокал языком, любуясь, как они сковывают меня.

– Царство мертвых, – выдохнула я, настолько удивленная, что даже не могла сопротивляться.

– Я предпочитаю египетское название Дуат. – Диего пожал плечами, вытирая лицо рукавом рубашки. – Правда, это не совсем он. Мы лишь на его пограничье... Так, считай, в гости забежали. Но все равно впечатляет, правда?

Вынув колоду Таро, я проверила карту, которую положила последней: всадник-скелет в черной накидке, ступающий по телам мертвых.

– *Смерть*... Так ты некромант? Слышала, этот дар чаще выбирает мужчин. Он очень редкий.

– А главное, очень полезный. Особенно когда на нервы действуют, – протянул он ехидно и сорвал со спинки стула свою кожаную куртку. Очевидно, он мог находиться и в том, и в этом пространстве одновременно, чего нельзя было сказать обо мне. – Ты просила меня обучить тебя, так что, пожалуй, я оставлю тебя здесь. Чем не урок? А сам найду заведение повеселее. Удачи с местными тварями! Они обожают юных дев, особенно девственных.

– Тогда их ждет разочарование, – прорычала я, дергая ногами, чтобы освободиться от черных щупалец. – И тебя тоже. *Isa!*

Щупальца разжались, а Диего замер на месте, оказавшись в тисках невидимой силы, парализующей мышцы. Бесформенные тени, отбрасываемые тусклыми светильниками, ожили. Они расплзались по бару, пока мы беседовали, и подбирались все ближе. Только сам дьявол мог знать, какие кошмары прятались в них, выжидая своего часа. Но, решив не проверять, покажутся ли они, я выставила вперед руки и скрестила их, топнув ногой.

Несмотря на поражение, Диего улыбался, наблюдая, как я выполняю его глупую прихоть – показываю себя настоящую.

– *Владыка теней, что возле детских кроватей ночами бдит! Жри предателя Брута, он детскую плоть своим вкусом затмит. Глазницы открой, как бутылку с вином. Перебери его кости. Я приглашаю тебя на кровавый пир в гости!*

Шепот утонул в помехах взбесившегося стерео. Диего захрипел, будто его ударили под дых, и упал, роняя кий. Тот закатился под бильярдный стол, а тени, шипящие по углам, остервенело бросились вперед, сползаясь в одну гигантскую чернильную кляксу.

Он хотел демонстрации моей силы – он ее получил. Я чувствовала покалывание на руках, едкий зуд, вынуждающий меня забираться пальцами под рукава и расчесывать кожу. Но я не остановилась. *Шепот* вытеснил мысли, опустошил меня и вывернул наизнанку. В висках стучала кровь, но я довела до конца заклятие, выученное из главы Авроры. «Мечь Ктулху» называлось оно – дикое, не знающее жалости и прощения. Читать его было мучительным блаженством. Ведь...

«Тьма мягкая на ощупь, как кроличья шубка, и теплая, как молоко с медом».

Диего наконец поднял голову и восторженно ахнул, не сводя с меня глаз:

– Теперь я вижу. Ты великолепна.

– А ты просто жалок, – прошипела я, нависнув над ним. – Друзья тебе не нужны, но вот нажать еще одного врага ты явно не против. Таков твой выбор?

– Нет... Верховная. – Диего запрокинул голову, глядя из-под опущенных ресниц. Я уловила ощущение наслаждения в изгибе его приоткрытого рта и опешила. – Прости, что усомнился. Ты вовсе не слаба. Да, я хочу быть частью твоего ковена.

– Что, вот так просто передумал? – фыркнула я. – С чего бы это?

– Не пойми превратно... Я не имею ничего против ковен. Просто хотел убедиться, что с тобой будет весело.

– А ты уверен, что я по-прежнему хочу видеть тебя в Шамплейн? После того, как ты собирался бросить меня в Дуате...

– Ну. – Диего призадумался, теребя языком колечко. – Судя по тому, как ты чешешься, мои знания могут пригодиться.

Я вздрогнула и удивленно взглянула на собственные руки, которые раздирала пальцами в кровь. От каждого заклятия Шепота этот зуд лишь усиливался, напоминая комариные укусы, но то была мизерная плата за такую мощь. Я же старалась не обращать на зуд внимания, а потому, опомнившись, спрятала руки за спину.

– Не понимаю, о чем ты. Так, получается, ты принимаешь мое приглашение?

– Да, пожалуй... Давно не участвовал в ведьмовских разборках. – Диего сиял, чем-то неистово воодушевленный. – Шелковая лента для клятвы имеется? У меня где-то был в рюкзаке войлочный шнурок, не знаю, подойдет ли...

– *Пло-оть!*

Мы оба повернулись на голодный рев. Темная клякса оформилась, обретя корявые руки, ноги и акулю пасть с сотней острых зубов из ржавых гвоздей. Обратившись невероятным чудищем, клякса разинула рот, опустив нижнюю челюсть до самого пола, и поползла к нам. Переворачивая на своем пути мебель, посуду, торшеры, она облизывалась, протягивая длинные лапы, покрытые дегтем, к обездвиженному Диего.

– Вау! – воскликнул он, поежившись. – Не знаю, что именно ты призвала, но выглядит оно жутко. Криповее только старые пластилиновые мультфильмы. Прямо мороз по коже! Может, уберемся отсюда?

Диего бросил на меня умоляющий взгляд, а я впилась ногтями в ладони, борясь с искушением проучить его. Заставить кашлять кровью и навсегда отбить охоту говорить с ведьмами так, как он говорил сегодня со мной. Больше страха и раскаяния... И меньше неповиновения.

– Одри, – позвал Диего надрывно. Покосившись на уродливую тень, которой он наверняка скормил бы меня без раздумий, Диего криво улыбнулся, пытаясь не выдавать страх. – Я ведь это несерьезно про молоко на губах и все такое... Просто разошелся что-то. Настроение поганое. Мы ведь договорились, да?

Сделав глубокий вдох и напомнив себе, что моя главная цель – собрать ковен, а не самоутвердиться, я кивнула и щелкнула пальцами.

– Больше никогда не пытайся тягаться с Верховной.

Проигрыватель зашипел, и обычная музыка вновь растеклась по бару. Чудище осталось там, где ему самое место, а мы оказались в пригороде Филадельфии. Диего подскочил и огляделся: вокруг галдели байкеры, не заметившие ничего подозрительного. Зои выглядела так, будто тоже не заметила нашего отсутствия: с тем же предостерегающим выражением на лице, как до нашего исчезновения, она растерянно заморгала и глянула на наручные часы.

– Вас не было всего две секунды. Совсем не разбираюсь в некромантии, но что-то мне подсказывает, время в темном измерении течет по-другому. Вы уже успели все обсудить?

– Нет, зато я успела надрать Диего зад, – задорно отозвалась я, и взмыленный Диего схватил бокал из-под виски и вывалил в рот оставшиеся кубики льда. Его рубашка прилипла к груди и спине: похоже, я и впрямь заставила его попотеть.

– Ух! Это было горячо. – Он подмигнул мне: – Итак, теперь ковенант. Идем на улицу.

Диего вылетел из бара как пробка, и Зои повернулась ко мне за объяснениями, но мысли в моей голове еще не улеглись. Тревога. Непонимание. Отторжение.

Что со мной происходит?

– Этот Диего полный псих! Он что, по садо-мазо? Похоже, ему в кайф получить взбучку от Верховных... Эй, Одри, ты как?

Я отняла у Зои бокал с коктейлем и залпом допила его. Покалывание на руках не проходило: расчесав их от запястий до локтя, я спустила рукава ниже, надеясь скрыть это.

– Ты вся чешешься, – все же заметила Зои. – Что там произошло? Как именно ты проучила Диего? Обычная магия ведь там плохо работает... Темное измерение – темные заклятия. И какое же ты использовала? – Она все продолжала сыпать вопросами, даже когда мы вышли на улицу и спустились к парковке. – Одно из заклятий Авроры, я права? Тебе не кажется, что ты пользуешься ими чересчур часто?

– Нет, не кажется. Я делаю это лишь в экстренных случаях.

– Хм, разве? А когда у нас кончились деньги на кредитке и нам было нечем оплатить бензин? Или когда ты украла то бордовое платье, хотя можно было наложить самый обыкновенный морок. И потом в кафе на побережье...

– Диего пытался скормить меня низшим сущностям! – перебила ее я, всплеснув руками. – Что еще оставалось делать?

Мы остановились, дожидаясь Диего, пока он копался в рюкзаке, висящем на сиденье его мотоцикла. Отполированный черный Kawasaki сверкал в лучах солнца. Даже когда Зои принесла золотые швейные ножницы из машины и небесно-голубую ленту, чтобы Диего не позорился со своим войлочным шнурком, я все стояла и смотрела в одну точку, слишком обеспокоенная и уставшая, чтобы испытывать хоть что-то.

– *Supremi venefica Audrey Defoe*. Аллилуйя, сестра, – закончил Диего, не отпуская моей руки, связанной отныне с его рукой. Возможно, навеки. Он без конца улыбался, непрерывно глядя мне в глаза. От этого мое лицо пылало, будто меня засунули головой в разогретую духовку. Заметив, что Диего не спешит отпустить мою руку, даже когда мы трое почувствовали, как течет сквозь нас магия, объединенная в один бурный поток, Зои откашлялась.

– Раз теперь он часть нашего ковена, может, дадим ему адрес и отправим в Берлингтон? – предложила она осторожно. – Диего взрослый мальчик, доберется. А Сэм и Гидеон его встретят. Он все равно будет только мешаться в... нашей дальнейшей поездке.

– Да, ты права. – Я развязала ленту, позволяя пальцам выскользнуть из неоднозначной хватки Диего. Он размял шею, привыкая к чувству, которое было в новинку и мне: трехкратная сила. Трехкратная власть, сосредоточенная во мне, но открытая и для них тоже. – Тебе нужно в Берлингтон, Диего. На девятом километре, рядом с поворотом на Шелберн, будет лес. У тебя есть мое приглашение, так что ты сможешь пройти через него. Там увидишь большой дом. Постарайся подружиться с его обитателями, пока нас не будет, ладно?

– Я буду само обаяние, клянусь, – оскалился Диего, натягивая на голову шлем и забираясь на мотоцикл. Даже Зои присвистнула, когда тот заревел, готовый набрать сто километров в час за одну минуту. – А когда вернешься, Верховная, – это слово он произнес с особой сладостью и сарказмом, – мы обсудим политику нашего ковена. А то я понятия не имею, что у нас вообще в планах, но... Это обещает стать интересным приключением!

– Стой, погоди! – Я хлопнула себя ладонью по лбу и поспешила вытащить из мнимого кабриолета рюкзак, ища свободную склянку. – Будь добр, дай свою ладонь.

На лице Диего не дрогнул ни один мускул, когда я, прошептав заклятие, одним словом рассекла его руку, наполняя склянку горячей кровью – кровью третьего члена моего ковена. Последний компонент ритуала Авроры, чтобы открыть врата в Нью-Йорк, куда она так отчаянно не хотела пускать меня, чтобы сохранить присвоенные Вестники.

– Ты определенно будешь должна ввести меня в курс дела, – хмыкнул Диего, забинтовывая руку банданой и наблюдая с подозрением, как я прячу сокровенную колбу в карман. – Увидимся!

Я кивнула, едва не задохнувшись от облака пыли, когда его мотоцикл сорвался с места. Он скрылся из виду быстрее, чем мы с Зои успели забраться в машину. Недовольно глядя ему вслед, она повернула ключ зажигания, и мы отъехали от бара.

– Я вижу его будущее в ковене Шамплейн. Диего приживется, можешь не волноваться, но... Он амбициозен и самоуверен, как сам Баал! Ты поняла, чего он добивался от тебя в баре? Хотел увериться, что ты стоишь его усилий. Вот же наглец! У него определенно есть черты, полезные для мира ведьм, но вот Коулу они не понравятся. Нужно поскорее вернуть нашему атташе зрение, чтобы он достойно выдержал конкуренцию. А то вдруг обаяние Диего такое же сильное, как и его некромантия...

Я промолчала, надеясь, что моего ядовитого взгляда достаточно, чтобы заставить Зою прикусить язык и забыть о таких глупостях раз и навсегда. Включив музыку, она вдавила педаль газа и понеслась навстречу справедливости.

– Этой ночью ты поймешь, что выбрала не ту сторону, Аврора, – прошептала я, разглядывая в лучах оранжевого заката склянку с алой кровью Диего.

«Нью-Йорк – 210 км» – сообщил билборд, мелькнувший в окне.

II

Королева Шепота

Небо светилось, как лазурит, залитое теплым персиковым светом. Голые деревья, на которых только проклюнулись зеленые почки, шептались на ветру. Был выходной, поэтому понежиться на мартовском солнышке вылезло множество людей. Они бродили по аллеям и вдоль берегов Лонг-Айленда, попивая ягодный смузи в прозрачных стаканах. Но с наступлением сумерек даже самый большой нью-йоркский парк «Пелем-Бей» вымирал, и царствовать здесь начинала природа: крики пеликанов и сов, шум прибоя и пенные волны, захлестывающие мелкие островки, рассыпанные по синему океану. Запах сирени и вишни охмелял, а шелест гравия под лапками диких кроликов напоминал хруст овсяного печенья.

– Пожалуйста, не делайте этого!

Доедая тако на капоте машины, я уже начала сомневаться, что заклятие поиска привело нас в верное место, но нет, мы определенно были там, где нужно.

– Идем, – дернула меня за рукав Зои, прихватив череп своей матери и склянку с остатками крови Диего. – Шабаш уже начался.

Я кивнула и, быстро прибрав мусор, спрятала под пальто несколько серебряных спиц, пару шелковых нитей и клинок, которым намеревалась закончить начатое.

– Навахон Коула? – удивилась Зои, уставившись на изогнутое лезвие, блеснувшее в свете фар, когда я разложила меч, а затем сложила его, примеряясь к ощущению тяжести дамаска в руке. – Тебе мало его пальто, которое ты и так уже до дыр заносила? Как он разрешил тебе взять свой клинок?

– А он не разрешал, – хмыкнула я, пряча навахон в ножны на поясе, которыми обзавелась специально для этого дня. – Я верну его до того, как Коул заметит пропажу. Меч все равно ему пока ни к чему.

Зои промолчала, закрывая машину. На Авроре лежала вина, что тогда все вышло из-под контроля, и теперь Коул не мог даже самостоятельно почистить зубы. Его клинок – топор палача, миссия которого, заключающаяся в казни ведьм, сегодня исполнится. Я искренне надеялась, что Коул простит меня за это, когда узнает.

Я отошла от машины на пару метров и наложила морок, скрыв ее в зарослях папоротника на обочине Шор-роуд под памятником солдатам Гражданской войны.

Янтарно-малахитовые глаза Зои с узким зрачком, как у ящерицы, светились в темноте, а непослушные черные волосы-спиральки были подвязаны пестрым платком, как всегда. Она указала в сторону деревьев, за которыми уже мелькала вереница факелов. Оттуда доносилось дивное пение, сопровождаемое мужскими воплями:

– Да что вы за чудовища такие?!

Несчастный, которому не повезло угодить на кануне Остары в лапы древнейшего ковена, отбивался от них, как мог. Об этом можно было догадаться по звукам борьбы, которые, однако, длились недолго: как только мы с Зои приблизились, осторожно преодолевая поваленные деревья, они стихли.

А вот беспомощный крик стал громче.

Я перепрыгнула каменный выступ, подкрадываясь, и глянула на пустую колбу, где раньше была кровь Диего. Мы использовали ее содержимое до последней капли, когда снимали защитный барьер с Нью-Йорка: он символично проходил там, где когда-то возвышалась первая английская стена. Магия Диего, струящаяся во мне в тот миг, была самой мощной энергией, которой мне доводилось подпитываться. Он был поистине сильным колдуном. Барьер Авроры, плотный и мерцающий, как перламутр, задрожал под нашим натиском, заискрился, а затем

прогнулся под моей рукой и лопнул, точно мыльный пузырь. Это заняло больше времени, чем я рассчитывала, – почти четыре часа, за которые я провела пять ритуалов, начав с жертвоприношения черного кролика, а закончив выжиганием висы Хель на осиновой бляшке. Да уж, Аврора постаралась на славу, чтобы не подпустить меня к Вестникам, но этого оказалось недостаточно.

Плечом к плечу мы с Зои перепрыгнули через ручей, опоясывающий голый холм. На нем уже гудели женские голоса, сливаясь в унисон. Пригнувшись за высоким пнем, я обнажила навахон и прижала лезвие к бедру. Палисандровая рукоять горела огнем, как и я сама, заряженная заговоренной морской солью, которой щедро сдобрила тако, пока Зои не видела.

– Там, – шепнула она, показывая на высокое кострище, вокруг которого, словно наяды, плясали ведьмы.

Хоровод белоснежных туник и распущенных волос, которые трепал мартовский ветер. На голове каждой ведьмы был символ ее животного-тотема: ободок с оленьими рогами, настоящие заячьи уши, заколки из лисьего меха и даже венки из зубов косули. Их пение звучало звонко и весело, а искры пламени разлетались, как конфетти. Все это можно было принять за безобидную лагерную вечеринку, если бы не низкий алтарь из серого гранита и мужчина, привязанный к многовековой плакучей иве джутовыми веревками. Мускулистый и рослый, с голым торсом и длинными лохматыми волосами, он походил на зверя, пытающегося сорваться с привязи. Удивительно, как его крики не сбивали ведьм с такта: они будто не замечали пронзительных рыданий, продолжая праздновать под ликом круглой луны.

– Здесь слишком мало ведьм... Ковен Авроры гораздо больше. Видимо, в ритуале участвуют лишь ее приближенные. Погляди! И нет ни одного колдуна, – шептала Зои у меня под ухом, отодвинув в сторону ветви шиповника, чтобы открыть себе обзор. – Я слышала, будто ковен Шепота не приглашает мужчин, а использует их только для продолжения рода. Если рождается девочка – ее забирают в ковен, а если мальчик – оставляют на воспитание мужчине или приносят в жертву лесным духам. Неужто сплетни не врут? – поежилась Зои, но меня волновало совсем не это.

– Я не вижу Аврору, – сказала я, крутя головой и надеясь, что в толпе собравшихся ведьм вот-вот промелькнет копна вишневых волос. – Где же она?

Песнь неожиданно смолкла, и я затаила дыхание. Воцарилась тишина. Ее нарушали лишь треск костра и бессильное мычание мужчины, уже сорвавшего голос. Ковен остановился, а затем все выстроились магическим кругом, освобождая вокруг всколыхнувшегося огня пространство. В центр вошла фигура в длинной лиловой накидке с капюшоном. Я мгновенно узнала ее.

От сердца у меня отлегло. Месть все-таки свершится.

– Сестры! – Громкий голос Авроры распугал птиц, дремлющих на верхушках деревьев, и связанный мужчина притих, с любопытством разглядывая ее фарфоровое лицо, когда она сбросила капюшон. Даже в те моменты, когда смерть дышит людям в затылок, они не могут устоять перед красотой и пленом аметистовых глаз. – Мы собираемся каждый месяц, чтобы запустить колесо нашей жизни заново, но сегодня особенная ночь – ночь Заячьей луны. Это значит, что наше колесо раскрутится с удвоенной силой! Славься Идунн, жена Ивальди, мать юности нашей, вечная дева и хранительница сладких плодов!

– *Славься, Идунн!*

Ковен вторил ей хором. Аврора скинула лиловое одеяние, и его тут же подобрала низкорослая ведьма, похожая на белокурую фею, которая следовала за своей Верховной по пятам и подбрасывала в костер связки душистых трав. Белое, точно свадебное, платье с ажурной вуалью доходило до колен Авроры, но просвечивало так безбожно, что я видела даже то, чего видеть не хотела вовсе. Фигура у нее была поистине великолепной: точеная и округлая, будто ее слепили из глины по своему подобию греческие боги. От щиколоток до острых ключиц тянулись

ровные метки атташе: где-то выцветшие, а где-то совсем свежие, черные. Лишь руки Авроры были скрыты под неизменными замшевыми перчатками, смотрящимися вульгарно на фоне ее свободных одежд, отдающих дань природе-матери.

Она стояла босиком и готовила церемонию, мешая в серебряном кубке специи с ежевичным вином. Связанный мужчина тарасился на нее, не моргая. Но все, что видела я, – сияющий на ее лебединой шее жемчуг, сила которого пульсировала и звала меня. Я будто слышала плач Вестников даров – они скучали по мне, пока Аврора бесстыдно разгуливала в них, неся на себе как трофей. То и дело касаясь бело-черных жемчужин, она впитывала магию моих предков и новоодаренных. Эта магия ей не принадлежала, и от злости у меня свело зубы.

– Еще не время, – притормозила меня Зои, заметив, как я подалась вперед всем телом, когда Аврора отдала наполненный кубок своей прислужнице и повернулась к беспомощной жертве, ждущей под ивовыми ветвями.

Аврора молча подошла к связанному мужчине, и лишь тогда он вспомнил, что скован, и снова забился в веревках. Когда он закричал, проклиная свою любовь к красивым женщинам, одна из которых и заманила его сюда с помощью приворотного зелья, Аврора заткнула уши руками и бросила недовольный взгляд на прислужницу:

– Виена, почему он кричит? Он напуган, а не убажен, как подобает. Ты дала ему опиум?

– Да, Ваше Верховенство, – залепетала прислужница голосом, напоминающим кошащее мяуканье. – Но...

– Ты ведь знаешь, что в последний день жизни избранного должны быть исполнены все его желания. Он должен взойти на алтарь счастливым. Скажи, по-твоему, люди так вопят, когда они счастливы?

– Простите, Ваше Верховенство! Я сейчас же все исправлю!

Аврора вздохнула и принялась массировать виски, пока Виена суетилась, бегая туда-сюда с каким-то чугунным горшочком. Подвесив его над огнем и как следует раскалив, она поднесла горшочек, пыщущий жаром, к лицу мужчины.

– Убери это от меня, тварь! – вскричал он, пытаясь увернуться от удушливого пара, поднявшегося из отверстий в кованой крышке.

Не прошло и минуты, как мужчина ослаб и покорился, перестав бороться с веревками. Его голова повисла, словно тряпичная, а губы растянулись в асимметричной улыбке. Одурманенный парами опиума и фимиамом, он вяло засмеялся, когда Аврора подступила к нему вплотную и подняла его лицо за подбородок.

– Как твое имя, любовь моя?

– Говард.

– Тебе уже лучше, Говард? – заботливо поинтересовалась она, и тот закивал, находясь под гипнозом. – Вот и славно. Теперь можно начинать.

Аврора вскинула руку, и путы спали с мужчины сами собой. Они, прежде оплетающие его с головы до ног, оставили яркие багровые полосы на запястьях, рельефном торсе и лодыжках. Не пытаясь убежать, мужчина охотно принял протянутую ладонь Авроры и, улыбаясь, двинулся следом за ней к костру.

– Сейчас! – выдохнула я, поднимая навахон и выступая из-за деревьев.

– Нет!

Я едва не свалилась в мокрую траву, когда Зои дернула меня за ремень и вернула назад прежде, чем одна из ведьм обернулась на странный шум.

Опустив навахон, я непонимающе уставилась на Зои:

– Ты что, хочешь, чтобы его принесли в жертву?! Если ты еще не поняла, это ритуал Авроры по продлению жизни! Она высасывает души, чтобы оставаться бессмертной. Буквально! Кем бы ни был этот несчастный, он не заслужил такой участи...

– Да, не заслужил, – согласилась Зои и закрыла глаза, собираясь с силами, прежде чем сказать: – Но лучше он, чем мы.

– О чем ты?

– Если пойдем сейчас, то умрем. Обе. Это единственный путь. Я *видела*, Одри! Ты должна выйти строго после того, как свершится жертвоприношение.

Я затрясла головой, пытаясь выбросить из нее любые сомнения, которые пыталась внушить мне Зои. Это было немыслимо: допустить ритуал, делающий Аврору еще сильнее, и вдобавок позволить ей вновь пролить кровь, которой и так набралось немало на ее руках. Мизерная вероятность того, что Зои права и наша смерть неизбежна, не стоила жизни невинного человека.

Или стоила?

– Доверься мне, – прошептала Зои, сжав мою руку, и в том, как она это произнесла, было больше мольбы, чем я слышала за всю свою жизнь. – Я никогда не подведу тебя.

Прикусив щеку, я повернула голову и посмотрела туда, где снова плясали ведьмы, окружая мужчину, которого Аврора вывела в самое сердце шабаша. Повернув его к себе и поцеловав так страстно, будто он и впрямь был ее единственной любовью, Аврора положила руку ему на голову, заставляя опуститься на алтарь.

Скрепя сердце я убрала навахон.

Зои кивнула, давая понять, что я поступаю правильно, и двинулась в обход костра, как мы и планировали. Я привалилась спиной к стволу дерева и стала ждать конца ритуала, остужая свою ярость холодной рукоятью меча, которую сжимала в кулаке.

– Дух Воздуха сторожевой башни Востока, услышь: да начнется следующий цикл! – крикнула Аврора, встав позади жертвы и погрузив пальцы в его смолянистую гриву. Ветер ожил, растрепав мои волосы, и я услышала шорох листы за спиной. – Дух Огня сторожевой башни Юга, услышь: да продлится великолепие наше! – Игривый ветер сменился жаром и забрался под одежду, будто меня окунули в горячую ванну. – Дух Воды сторожевой башни Запада, услышь: да станет это началом золотого нашего века! – Огонь в костре вспыхнул синим, и я почуяла запах соленого моря, но он быстро сменился ароматом сена и цветочной пыльцы. – Дух Земли сторожевой башни Севера, услышь: врагам не сразить нас!

Ковен отвечал Авроре эхом, повторяя за ней на разных языках. Латынь, валлийский и немецкий слились воедино. Мужчина приоткрыл рот, будто хотел пить, и его глаза закатились. Я так и не решилась дочитать до конца этот ритуал Авроры в ее главе Шепота, поэтому не знала, чем все закончится. Любопытство смешалось с ужасом, и отвести глаза стало невозможно. Я оцепенела, борясь с отвращением к самой себе и странным, клокочущим внутри восхищением. Магия Авроры, темная, трепещущая, была заразна.

– Избранный Говард, кровь твоя – семя, – сказала она. – Идунн благодарит тебя за жертву.

В ее руке блеснул золотой серп, похожий на тот, которым срезают пшеницу. Только меньше раза в три, круглый и идеальный, чтобы обогнуть чью-то шею и отделить голову от туловища.

– *Ave Idunn*, – провозгласила Аврора, и в тот момент, когда она снова поцеловала мужчину, серп покачнулся и одним движением перерезал ему горло.

Я едва не вскрикнула, зажав ладонью рот. Горячая кровь брызнула на гранитный камень и тонкое платье Авроры, расцветая на ткани бутонами роз. Мужчина закричал и накренился, но она не дала ему свалиться на алтарь плашмя. Аврора продолжала удерживать его за волосы, пока прислужница Виена подставляла кубок под багровые ручейки, смешивая вино с кровью и превращая его в магический эликсир. Наполнив кубок до краев, Виена отступила и отдала его Авроре. Та пинком отбросила обескровленное тело в сторону. Оно скатилось с алтаря и скрылось в траве, а ковен, разомкнув плотное кольцо, пропустил Аврору к многовековой иве.

– Даруй нам плоды свои, вечная дева Идунн!

И она наклонила кубок, выливая жертвенную кровь на почву и ивовые корни.

– *Вечная дева Идунн!*

Дерево задрожало, земля под моими ногами завибрировала. Я ахнула и попятилась, лице-зря, как на его развесистых голых ветвях распускаются зеленые листья и зреют молодые, сочные яблоки. Весь ковен захлопал в ладоши, заурчал, когда первый плод, доспев за считанные минуты, сорвался с ветви и покатился по изумрудной траве. Ярко-желтый, будто из золота, он блестел так, что отражал лицо ведьмы, которая подняла его и протянула Авроре.

Она взяла яблоко и вскинула его высоко над головой, как победное знамя, а когда на иве созрели и остальные, осыпаясь дождем, поднесла его ко рту и надкусила. Вместо сока брызнула кровь, и Аврора размазала ее по подбородку, утоляя животный голод плодом смерти, похожим внутри на сырое мясо, выеденное червями.

Меня едва не стошнило.

– *Ave Idunn!* – вскричал ковен и собрался вокруг ивы кольцом, как и вокруг костра, ведьмы одновременно наклонились за яблоками и вгрызлись в них. Белые платья окрасились в красный.

Аврора съела яблоко до косточек и облизала пальцы, причмокивая. Кровавый сок затопил ее лицо, превратив в страшную маску. Жалея, что я не прочла об этом ритуале раньше и оказалась не готова к такому зрелищу, я крепче прижала к себе навахон Коула и взмолилась, чтобы план Зои сработал.

Вытерев шелковым рукавом перепачканный рот, Аврора привстала на носки и потянулась ввысь. Зазвучала скрипичная мелодия, льющаяся прямо из огня кострища.

– Светла, как ночь ее страны... Вся глубь небес и звезды все в ее очах заключены, – замурлыкала Аврора стихотворение Байрона, смакуя во рту медный привкус и подставляя лицо лунному свету, пока перебирала в пальцах мой жемчуг, окропленный чужой кровью.

Момент настал.

– Север вас не услышал, Аврора!

Я не узнала собственный голос. Перед глазами предстало исхудавшее лицо Коула, прячущего от меня свой побелевший взгляд, и, преисполненная решимости, я выскочила из зарослей вишни, пряча за спиной не только меч, но и еще кое-что.

– *Percutiet!*

Я швырнула серебряные спицы, тонкие и длинные, в хоровод ведьм, но никто даже не заметил этого. Когда спицы пронзили шеи нескольких сестер и те упали, остальные лишь перепрыгивали через тела и неслись дальше, кружась. Танцы продолжились как ни в чем не бывало, а я стояла со сверкающим навахоном в руке, обескураженная.

– Что за?..

Меня оглушил их смех и выстрелы бутылок с шампанским. Кровавое жертвоприношение превратилось в девичник, и несколько ведьм, держась за руки, пробежали мимо меня, даже не взглянув.

Аврора медленно повернулась, и было в ее взгляде что-то, что заставило меня убрать клинок.

– Одри! – воскликнула она будто бы радостно, раскрыв руки в широких объятиях, а затем икнула и стыдливо прижала ладонь к губам. – Ой. Как ты здесь оказалась?.. Хочешь яблочко?

Я растерянно заморгала и увидела Зои: она стояла на другой стороне поляны и выглядела абсолютно спокойной. Поймав мой взгляд, она кивнула, и я вмиг опомнилась – все ведьмы ковена Шепота были... пьяны?

Пьяны от крови.

– Вы под кайфом, – поняла я, когда Аврора подплыла ко мне, точно была соткана из тумана, и повисла на моем плече, держа золотое яблоко и хихикая.

– Да, молодость – это и есть кайф в чистом виде, милая! Как и яблоки Идунн, возвращенные на мужской крови. Райское лакомство! Так ты за Вестниками явилась, думается? – Она прищурилась: – Удивлена, что ты все же прорвала завесу. Я бы убила тебя за это, но сегодня Заячья луна Идунн, поэтому, считай, тебе повезло. Так что насчет угощения?

Я покачала головой и подавила рвотный спазм, когда яблоко, смердящее кровью, оказалось в сантиметре от моего лица.

– Я вообще-то пришла, чтобы отомстить тебе за предательство, – пояснила я, выбивая яблоко у нее из руки. – Ты в курсе, что у меня с собой меч охотника на ведьм? И я могу пронзить тебя им. Прямо сейчас!

– Ага, – Аврора зевнула со скучающим видом, когда я демонстративно взялась за эфес навахона. – Дерзай. А потом на тебя набросятся двадцать две ведьмы, которые собрались воспеть наше долголетие, и еще пятьдесят подоспеют к ним на помощь. Знаю, ты злишься, но, уверена, понимаешь, почему я так поступила. Ферн сильна, и ваши разборки – не мое дело. Вестники даров вернули мне былой почет. Мое Верховенство. И... Спасибо, – вдруг сказала она. – В какой-то мере я обязана твоей юношеской беспечности, поэтому... Я не только не убью тебя сегодня, но и приглашаю к себе на чаепитие! Что скажешь насчет короткого перемирия, а? Идем!

Не дожидаясь согласия, Аврора дернула меня за рукав пальто и потянула в сторону леса, из которого мы с Зои пришли. На холме бегали и щебетали разгневанные ведьмы, плескаясь в свете луны и абсолютно ничего не соображая, но каждая смиренно склоняла голову, когда Аврора проходила мимо. Держала она их в страхе или же в благоговейном восхищении, но я никогда не видела, чтобы Верховную обожествляли так, как в ковене Шепота. Прислужница Виена, бросившая на меня враждебный взгляд, была тому подтверждением: не отходя от Авроры ни на секунду, она обтерла ее лицо тканью, смоченной в хвойном отваре, и помогла надеть фиолетовую накидку.

– Вуду-ведьма тоже может к нам присоединиться, – улыбнулась Аврора, обернувшись на Зои, подошедшую к нам с черепом Мари Лаво в руках.

Я совсем не узнавала Аврору. Это было бы смешно, если бы не было так жутко. Распаленная от крови, с блестящим масляным взором и безумной улыбкой, она двинулась через заросли папоротника неровной походкой, будто танцуя. Голова у нее, очевидно, кружилась, а фарфоровая кожа словно светилась изнутри: я никогда не думала, что эффект ритуала, продлевающего жизнь, так молниеносен. Аврора всегда была грациозна и красива, но сейчас в ней кипела жизнь. *Чужая* жизнь. Черты ее лица стали выразительнее, нежнее, она выглядела бодрой и свежей, будто после крепкого полуденного сна.

– Благодарю, но лучше я побуду здесь. Где-нибудь... вот тут, да, – ответила Зои, заметив неподалеку от костра накрытый стол с закусками и конфетами, над которым суежилась ведьма с плетеной корзинкой в руках.

Мне не понравилась идея разделить, и, колеблясь, я посмотрела Авроре вслед. Она продолжила плыть в сторону леса, не заметив, что я отстала.

– Поэтому ты велела мне ждать, – прошептала я Зои, решив прояснить все прежде, чем позволю себе довериться течению. – Этот ритуал... заморозил их.

– Да, но эффект будет длиться, пока видна луна. В любой момент Аврора может начать трезветь, – пробормотала Зои, с беспокойством глядя на небо, которое, к счастью, было безоблачным. – Тебе надо остаться с ней наедине и успеть договориться...

– Договориться?! – переспросила я чересчур громко, и Виена, семена за Авророй, оглянулась на меня с недоброй тенью на лице.

Зои шикнула.

– Я видела исход куда лучше того, что ты уготовила Авроре, – сказала она, удерживая мои руки, как только я начала сдирать кожу с запястий: они вновь зачесались, стоило мне

разозлиться. – В нем нет кровопролития, но есть победа. Это самый выигрышный вариант для всех нас.

Я зажмурилась, но снова согласилась с ней.

– И что мне надо делать в этом твоём лучшем исходе?

– Позволить судьбе вести тебя. Когда услышишь зов о помощи – откликнись.

Я нахмурилась, надеясь услышать объяснение этого странного предсказания, которое было совершенно в духе Зои, но, обернувшись, увидела, что Аврора и Виена почти скрылись из виду. Побоявшись потерять их в лесной чаще, я кинулась следом, оставляя Зою наедине с ковром Шепота и тарталетками.

Мы шли больше десяти минут, за которые я успела несколько раз представить, как достаю меч Коула и пронзаю им ничего не подозревающую Аврору в спину. Будто слыша мои мысли (что, впрочем, могло быть действительно так), Виена то и дело фыркала, незаметно призывая туман, будто надеясь, что так я заблужусь. В конце концов раздался лязг чугунных ворот, выросших перед нами из темноты. Они отворились, впуская нас из гнетущего леса в удивительный сад. За мрачными раздумьями я не заметила, как мы прошли половину Пелем-Бей. Вокруг цвели питаемые магией ковена кустарные розы, тюльпаны и гортензии, что пустили здесь корни, присвоив себе старинное поместье Бартоу-Пелл.

– Вы переехали? – удивилась я, остановившись на возвышении у журчащего фонтана. – Разве это не музей?

– Уже нет, – оскалилась Аврора самодовольно, взлетая по каменным ступенькам, высеченным прямо в холме.

Некогда принадлежащий известному семейству аристократов и ежедневно собирающий толпы туристов, особняк служил теперь ведьминым логовом. Построенный из светло-серого камня, в два этажа, он, впрочем, прекрасно подходил для этой роли. Спален внутри, по слухам, было множество: немудрено, что весь табор Авроры смог здесь поместиться. Неуверенно переступив узкий порог и очутившись внутри, я убедилась в этом: таким большим, пожалуй, не был даже дом Шамплейн.

Аврора вдохнула в поместье новую жизнь: добавила телевизоры, радио, пару компьютеров за письменными столами, но интерьер кардинально менять не стала. Особняк по-прежнему был окном в мир восемнадцатого века: высокий потолок украшали лепнина и плафон, а стены были облицованы голубым шелком и панелями из натурального дерева. Изношенный паркет застилали мягкие дорогие ковры, и в каждой комнате был свой будуар и мраморный камин, в котором убаюкивающе трещал огонь. Тяжелые шторы из жаккарда, множество зеркал и целая выставка из картин в золотых рамах. На одной из них я узнала рыжеволосую Аврору, лежащую обнаженной на зеленом лугу у ручья, как древнеримская Диана, и невольно скривилась. Повсюду встречались люди в элегантных черных сюртуках, в которые Аврора так любила наряжать своих атташе: на первом этаже их было не меньше дюжины. Похоже, ряды Авроры вновь пополнились.

Откуда-то сверху лилась симфония Баха, и в воздухе запахло горячим шоколадом и выпечкой.

– Присаживайся! – предложила Аврора, когда мы очутились в нарядной малиновой гостиной, где посередине стояли кресла и стол, заваленный игральными картами. Прислуга прибрала их, пока Аврора занимала свое место у камина. Она указала мне рукой на бархатное кресло по соседству, а Виене жестом приказала сесть в дальнем конце комнаты. Ничуть не обиженная этим, она послушно отошла, так что наша беседа стала приватной.

– Неужели все это благодаря моим Вестникам? – спросила я, когда пожилая гувернантка внесла в гостиную серебряный поднос с чайным сервизом. – Уважение ковена, новый особняк, новые атташе и обслуга...

Лимонный чай с медом, отдающий бодрящей кислинкой, идеально сочетался с ванильными круассанами, которые Аврора принялась остервенело уминать, не стесняясь сыпать крошками на накидку. Жуя очередной и запивая чаем, она кивнула.

– Ты была слишком юна, чтобы мать объяснила тебе их истинную ценность. Вестники даров – не просто памятная безделушка... Это регалия. Они как царский скипетр – знак всевластия.

– С их помощью ты даже ту выскочку свергла, что покушалась на твое лидерство? Как ее там звали... Роза... Жасмин...

Аврора со звоном вернула чашку на блюдце и поджала губы. Ее взгляд прояснился, еще секунду назад затуманенный яблоками богини Идунн.

– Тюльпана.

Я щелкнула пальцами:

– Да, точно! Где она сейчас?

– На привязи, как и подобает дворняжке.

– Ты просто показала ей Вестники и... Что? Она сама на себе ошейник застегнула?

– Конечно, нет! – Заливистый смех Авроры вихрем магии разбудил весь дом, и ветер в дымоходе засвистел. – Сначала я преподала ей хороший урок. Помимо того, что Вестники – трофей чужого ковена, который в былые времена мы могли добыть лишь в битве, чтобы возвыситься еще больше, в них еще и полно магии. Ферн и впрямь позаботилась, чтобы ты поскорее овладела восемью дарами. Неудивительно, что ты была так сильна с ними на шее. Они буквально сочатся энергией...

Аврора прикрыла глаза, касаясь жемчужин, как и тогда у костра. У меня снова заныла челюсть, но я не подала виду и залпом осушила свою чашку.

– Это выстрадавшая магия, Аврора. Присвоенная незаконно и не служащая ни мне, ни Ферн. И, замечу справедливости ради, их отсутствие не помешало мне сломать твой никчемный барьер и заявиться к тебе домой.

Аврора скривила лицо. Мое замечание явно подпортило ей удовольствие. Но она все еще была расслаблена и сидела, вальяжно раскинув руки и заняв почти весь диван. Подозвав гувернантку и велев налить нам еще бесподобно вкусного чая, она ухмыльнулась и провела ладонью по своей шее.

– Ты их не получишь, Одри, смирись.

– Может, поспорим?

Я сама не заметила, как пальцы сжали навахон. Аврора прекрасно видела его, но не боялась, а зря: из-за глубоко затаенной обиды и ее глумления я быстро забыла об обещании уладить все миром, которое дала Зои. Нет, похоже, чаепитием сегодня не обойдется.

Вопреки моим ожиданиям, что Аврора снова станет угрожать мне численным превосходством ее ковена, она махнула рукой встревоженной Виене, и та покинула гостиную, закрыв за собою дверь. Мы остались вдвоем.

– Ты не просто подставила меня, Аврора, – продолжила я, поднимая сверкающее лезвие клинка все выше, пока его острие не замерло на уровне ее груди. – Из-за тебя я чуть не лишилась своего атташе!

– Правда? – Она искренне удивилась, даже перестала пить остывший чай. Ее аметистовые глаза нашли черную полосу на моем запястье, выглядывающую из-под рукава. – Ну, как я погляжу, он все еще жив.

– Да, слава богу, однако ничего не видит. Коул искупил твою подлость и трусость, пожертвовав своим зрением!

– Печально слышать. Столь молод, а уже ни капли пользы не принесет. – Меня покорило от услышанного, и Аврора, заметив это, мило улыбнулась.

– Ты не поняла. Он значит для меня *все*, Аврора.

– Если так, то печально вдвойне. Ты ведь знала, что отношения с атташе всегда недолговечны. Они так осуждаются в нашем обществе, потому что атташе – это ведьмин авангард, первая линия обороны, а как известно, первую линию часто прорывают. Привязанность к атташе так же нелепа, как любовь к мясничку тесаку.

– Вот поэтому ковен и изгнал тебя, – выпалила я. – Жестокая и бесщедная. Атташе – не только меч и стрелы! Атташе – члены семьи, и забота должна быть обоюдной. Именно это делает первую линию обороны, как ты сказала, прочнее, а тыл надежнее.

– Где же был этот тыл, когда твой ковен умирал?

Меня будто ударили под дых, и весь воздух разом покинул легкие.

– Однажды Коул Гастингс тоже умрет, – продолжила Аврора. – От старости или же от рук твоего врага, особенно теперь, когда он слеп и беззащитен. . . Не имеет значения. Ведьмы живут дольше – ведьмы *выживают* дольше. Это неизбежно, ведь смысл жизни атташе и заключается в том, чтобы умереть раньше тебя и *ради* тебя. Сделай ему одолжение и прикончи его во сне, пока это не сделал кто-то другой более изощренным способом.

Я подскочила с кресла и без раздумий вскинула меч над головой, замахиваясь, но Аврора только равнодушно сказала:

– Я сотру тебя в порошок, милая, даже глазом не моргнув. Ты до сих пор жива лишь благодаря моему глубочайшему уважению к Виви. Подумай хорошенько, хочешь ли ты. . .

– Что это?

Я передернулась и едва не выронила меч, запрокинув голову к потолку, откуда доносился пронзительный вой, перекрывая музыку Баха.

Стены и потолок задрожали. Посыпалась штукатурка. Аврора тяжело вздохнула и удрученно закатила глаза.

– Это та самая дворяшка на привязи. Не обращай внимания.

Но не обращать на такое внимание было невозможно: плач и рыдания, жалобный скулеж создавали ощущение, что Аврора действительно держала на цепи собаку. Голос был женским, но таким сломанным, что щемило сердце.

– Она заслужила это, – попыталась утешить меня Аврора. – Не стоит кусать руку, которая тебя кормит. Это не все наказание, что ее ждет. Только прелюдия. Я даже во вкус еще не вошла! *«Услышав зов о помощи – откликнись».*

Все встало на свои места, и я успокоилась.

– Я хочу обменять Вестники на Тюльпану.

Аврора поперхнулась. Ритуальная кровь, кажется, окончательно выветрилась из нее. Выпрямившись, она сосредоточенно сложила руки в перчатках на коленях.

– И ты правда оставишь мне Вестники? Даже претендовать на них больше не станешь?

Я крепко задумалась. Если за ними охотилась Ферн, то где им будет безопаснее, как не здесь – в логове темнейшего ковена, выстроившего вокруг своего города стену из древних заклятий? Лучшего временного хранилища и не придумаешь. Но Авроре знать о *«временном хранилище»* было совсем необязательно.

– Да, не стану.

– Прости, но на кой черт тебе сдалась эта мерзавка?

– Ну. – Я убрала меч и вернулась в кресло, запахнув длинное пальто Коула, сахарный запах которого подбадривал меня, словно его присутствие. – Тюльпана ведь была в сговоре с Ферн. Это она помогла ей занять твое место и выкрасть гримуар Шамплейн. Следовательно, Тюльпана должна быть с ней хорошо знакома. . . Знать ее прошлое, слабости, силу. Вдобавок она смогла и тебя обставить в два счета. – Я ухмыльнулась, заметив, как Аврора побагровела от этих слов. – Такая ведьма мне пригодится.

– Она ни за что не присоединится к твоему ковену, даже если это будет ее единственным шансом на спасение. У нее очень строптивый нрав и акульки зубы. Даже острее, чем у меня.

– Как-нибудь управлюсь, – кивнула я решительно и протянула Авроре руку: – Так ты согласна?

Она сощурилась и, немного подумав, фыркнула:

– Нет. Компромиссы против моих правил. Так неинтересно. Слишком уж мирно мы разойдемся.

Я облокотилась о стол, смяв голубую скатерть, и устало потерла лоб.

– Как я устала от твоей заносчивости! Ну почему хоть раз нельзя не выкобениваться и сделать все по-хорошему?!

– Остынь! Я всего лишь придумала еще одно условие нашей сделки.

Я села прямо, переводя дух.

– Чего ты хочешь?

– Все просто. – Аврора сложила руки на груди и недобро улыбнулась: – Признайся, что тебе нравится моя «темная страшная магия».

– Что? – Я рассмеялась, удивленная не то ее самомнением, не то столь несуразным условием нашего договора. – С чего ты взяла, что она нравится мне? Да, я читала твою Шепчущую главу, но это было просто чтение на досуге...

– Для «чтения на досуге» ты слишком хорошо разбираешься в моих заклятиях, – заявила Аврора, упиваясь моим смятением и тем, как предательски зачесались от нервозности мои руки. – Ты ведь сама сказала: отсутствие Вестников не помешало тебе снять барьер на входе в Нью-Йорк. А снять его можно лишь моим заклинанием... Зашифрованным в трех других. Ты не просто читала главу Шепота – ты изучила ее вдоль и поперек. *Освоила*. Может, не в совершенстве, но все же...

– Изучение ради научного любопытства, – упрямо парировала я, поджав губы. – И необходимости.

– Разумеется. И как к этому отнеслись твои друзья?

Я запнулась, и моего мимолетного ступора Авроре хватило, чтобы прочесть меня, словно открытую книгу.

– Ты практиковала главу тайком от них, я права? Потому что они бы не одобрили твое новое увлечение. А ведь тогда в баре под Новым Орлеаном ты божилась, что никогда не станешь злой...

– Я и не стала злой!

– И что Шепот отравляет душу...

– Да, он действительно ее отравляет! Именно поэтому я почти не пользуюсь твоей магией.

– «Почти»? Еще секунду назад ты говорила, что вообще ею не пользуешься...

– Остановись! – воскликнула я, всплеснув руками. Мои пальцы забрались под рукава свитера, расчесывая внутренний сгиб локтей, который разъедало, как от яда. – Ты хочешь, чтобы я призналась, что мне нравится пользоваться твоими заклятиями? Что от этого изменится?

– Ну... – Аврора пожала плечами и, подперев подбородок, потрепала ажурную салфетку. – Как минимум ты не превратишься в миленький черный уголек.

– О чем ты?

– Закатай рукава, Одри.

Мои пальцы заledenели, когда я, сглотнув, аккуратно подвернула один рукав и принялась сдвигать его вверх. Я была уверена, что Аврора разыгрывает меня и я не увижу ничего особенного, только шелушение кожи от морозного воздуха, но сердце выдавало меня с потрохами. Бешено колотятся, оно доказывало, что в действительности я считала совсем иначе.

– Что со мной? – всхлинула я, жадно хватая ртом воздух, когда увидела роспись черных прожилок, спускающуюся вниз от локтей.

Словно в моих венах тек деготь вместо крови: они выступали, зараженные тьмой, скопившейся внутри. Именно от нее кожа горела, будто от укусов. Я снова почесала руку – вены

раздулись еще больше. Тьма в венах почти достигла запястья. Скоро ее будет не скрыть даже длинными рукавами свитера.

– Как давно ты чувствуешь зуд?

– Неделю... или две... Но еще вчера этого не было, – выдавила я едва слышно, судорожно растирая вены. – Я чем-то больна?!

– Можно сказать и так. Ты больна отрицанием, милая.

Она пододвинула ко мне свою чашку, где еще оставался лимонный чай, и я, не думая, выпила его, чтобы справиться с тремором и паническим удушьем.

– Нельзя пользоваться магией, которую не признаешь, иначе она начнет отравлять. У тебя еще есть время это исправить, но поспеши, иначе, когда тьма дойдет до пальцев, ее будет уже не убрать. Даже маскирующие чары не спасут. Так и останешься жить без возможности записаться на маникюр, – усмехнулась Аврора и стянула с руки замшевую перчатку.

Еще ни разу я не видела ее без них, и теперь мне стало ясно почему: от локтя до самых ногтей по руке Авроры шли такие же черные вены, какие начинали проступать у меня. Видя, в какие безобразные и обугленные обрубки они могут превратить мои пальцы, я содрогнулась.

– То-то же, – мрачно хмыкнула она, надевая перчатку обратно. – Я признала Шепот слишком поздно. Сама не думала, что удастся создать что-то настолько... сильное и своенравное. Какая Верховная, такие и ее заклинания. Но не бойся, это не смертельно! Всего-то надо признать, что ты немножко злая, – весело подмигнула Аврора.

Я поежилась, судорожно опуская рукав пальто.

– Но я не такая, как ты! Я никогда не была злой...

– Никто и не рождается злым, Одри. Мы обе стремимся к силе, и от этого факта не стоит прятаться. Мне потребовалось пятьсот лет, чтобы осознать это, но было слишком поздно. Пускай меня зовут злодейкой, но зло бывает разным. Иногда оно во благо...

– Это ты говорила себе, когда заморила жителей Страсбурга, заставляя неделями плясать, пока они не умирали от изнеможения?!

– Тогда был разгар охоты на ведьм. Они сожгли половину моего ковена. Это называется восстановить справедливость.

– Нет, это называется «поквитаться».

– Так разве не за этим ты пришла сегодня ко мне? – заметила Аврора. – Не забудь о своих нравах, когда Джулиан склонит перед тобой голову, а у тебя в руках будет оружие, способное отсечь ее.

Я поджала губы и взглянула на руки. Там, под свитером, пульсировала тьма, ставшая моей частью, с которой я была не готова мириться.

– Ладно... – прошептала я иступленно, закрывая глаза. – Мне нравится твоя Шепчущая глава.

Аврора улыбнулась, задумчиво поправляя перчатки.

– Почему?

– Я... – В горле встал ком из стыда и гордости, но я проглотила его. – С ней я чувствую себя сильной. Спокойной...

– Могущественной?

– Да, могущественной. В такие моменты я знаю, что все контролирую и у меня есть ответы на все вопросы. Я изучила почти всю главу, и она... Сильнейшая в моем гримуаре. Заклинания мамы другие. Они мягче, умереннее... Слабее.

Я зажмурилась, произнося это, и зуд под свитером вдруг прекратился. Облегченно выдохнув, я задрала рукава, чтобы удостовериться, но внешне ничего не изменилось.

– Принятие себя – долгий процесс, дорогая, – разочаровала меня Аврора. – Но ты уже сделала первый шаг. Отлично, договор заключен! Виена тебя проводит. Можешь забирать Тюльпану. Ну и намучаешься же ты с ней!

Опомнившись, я вскочила с места, решив, что провела достаточно времени в лесной глуши в компании Авроры, занимаясь самобичеванием. За дверями комнаты меня уже ждала Виена – похоже, мое остроумное предположение о чтении мыслей оказалось правдой. Не говоря ни слова, уже переодевшаяся в домашний льняной халат Виена повела меня по извилистым коридорам к лестнице.

– Дальше сама, – заявила она, вкладывая мне в руку медный ключ, и повернулась, спеша по своим делам. – Тебе на чердак. Там всего одна дверь. За ней такой вой стоит, что не ошибешься.

Я убрала ключ в карман, в одиночестве взбираясь по лестнице. Вопреки словам Виены, наверху было тихо, не считая звучания симфонии Баха, которая повторялась снова и снова. Разглядывая портреты бледных барышень и осенние пейзажи, я оставила позади роскошную библиотеку и, едва устояв перед соблазном заглянуть туда, перескочила последние ступеньки лестницы. Передо мной оказалась дубовая дверь, исписанная рунами вдоль косяков – Альгиз, Наутиз и Тейваз. Они должны были не впускать злых духов внутрь, но, перевернутые и отзеркаленные, работали наоборот – *не выпускали*.

«Пропуская катафалк вперед, подумай, не завтра ли твой черед».

Я оглянулась, ища, откуда доносится нежное, девичье пение, звенящее эхом, но оно растворилось в рокоте Баха и исчезло. Решив, что мне померещилось, я собралась с духом и толкнула дверь на чердак, надеясь, что сумею подобрать нужные слова и убедить Тюльпану пойти со мной.

– Выключи! Выключи! Выключи!

Цепи гремели, а симфония играла так громко, что я не слышала собственных мыслей. Неудивительно, что Тюльпана казалась безумной, метаясь вдоль дальней стены в железных оковах. Они оставили на ее коже воспаленные рубцы и язвы, ранили, как ранит любую ведьму железо, если как следует сдобрить его морской солью. А если еще и могильной землицы добавить... Оно становится лучшим средством, чтобы приструнить строптивую колдунью.

– Выключи!

Я заметила старый патефон, стоящий прямо по центру комнаты на винтажном столике, и повела пальцами, заставляя виниловую пластинку остановиться. Тюльпана облегченно застонала, падая на пол. Ее рваная рубашка, которая, очевидно, некогда была белой, перемазалась в саже, как и забавные штаны с рюшами. Похоже, на этот чердак ее приволокли посреди ночи прямо в пижаме. Длинные волосы, пепельные с морозным отливом, спутались и сбились в колтуны на затылке. За их завесой нельзя было разглядеть лица.

– Привет. Тюльпана, верно? – робко начала я, проходя в глубь затхлого, темного чердака, заставленного мешками с зерном и тряпками, вперемешку с подписанными коробками, оставшимися после переезда. Под единственным окном стояла металлическая койка. Тюльпане не хватило сил, чтобы до нее доползти.

– Кто ты? – прохрипела она, поглядывая на меня исподлобья. – Очередная зверушка Авроры?

Я молча выдвинула в центр комнаты табуретку и, усевшись, взглянула на цепи. Разбить столь искусно зачарованные оковы было не по силам даже Верховной, но в этом и не было нужды. Молча показав Тюльпане медный ключ, я удовлетворенно увидела, как она тут же отбросила волосы назад и выпрямилась, подаваясь мне навстречу.

– Я Верховная ведьма Одри Дефо из ковена Шамплейн, – представилась я. – И мне по силам освободить тебя.

Тюльпана сузила глаза: они тоже были аметистовые, как у Авроры, но более человеческие. Они сверкали, точно драгоценные камни. В них томила буря, которая, без сомнений, выплеснулась бы на ковен Шепота огненным смерчем, если бы я освободила Тюльпану сейчас. Лицо у нее оказалось широким, с угловатой челюстью. Ресницы и брови тоже были белоснеж-

ными. Изможденная и бледная, Тюльпана совсем не походила на свирепого узурпатора, какой описывала ее Аврора. Высокая и худая, она скорее напоминала озлобленную девочку, которой в свое время не досталось любви и которая теперь стремилась восполнить эту пустоту властью. Такой же была и Аврора.

– Зачем тебе это нужно? – спросила она сухим голосом, похожим на скрип оконных петель, и я с помощью заклинания наполнила чистой водой ее пустую миску, стоящую на полу. Она тут же припала к ней. – Ты ведь даже не знаешь меня.

– Нет, но я знаю ту, что сначала возвысила тебя, а затем смотрела на твое падение и даже не попыталась поймать.

Лицо Тюльпаны вспыхнуло. На нем румянец казался лихорадочным жаром. Она вдоволь напилась и, вытерев рот грязным рукавом, подползла поближе. Железные цепи, охватывающие ее ноги, руки и горло, издевательски звякнули.

– Ферн, – зашевелила Тюльпана губами, покрытыми трещинами и желтой коркой. – Она бы помогла, но Аврора отняла кристалл, который мы использовали для связи...

– Ты правда в это веришь? Тот, кто действительно желает помочь, найдет способ это сделать.

Тюльпана промолчала и перевернула миску с водой так, что та расплескалась мне на сапоги.

– И лишь поэтому ты решила, что я сменю одну цепь на другую? – рявкнула она. – К черту Аврору! К черту Ферн! И ты тоже катись.

Я вздохнула, вытирая воду с коричневой замши. Похоже, Аврора не ошиблась: я и впрямь намучаюсь с ней.

– Если принесешь мне клятву верности, – осторожно продолжила я. – Расскажешь все, что знаешь о Ферн, и научишь меня тому, что сама умеешь, сможешь начать жизнь с чистого листа. Я не держу своих ведьм подле себя, как Аврора. Ты сможешь уехать, как только мы закончим, и я сама разорву твой ковенант. У меня совсем не такие порядки, как у твоей нынешней Верховной. Я не предлагаю дружеские посиделки у камина или совместные походы в кино... Я предлагаю выбор. Твоя гордость правда стоит того, чтобы сдохнуть на этом богом забытом чердаке, лакая воду из миски, как псина?

Тюльпана окаменела, слившись со стеной, на которой виднелись тонкие полосы от ее ногтей. Я разглядела татуировку мадагаскарского лунного мотылька на ее лодыжке, а под тату – что-то еще, что желтые крылья пытались замаскировать. Давний розовый рубец, который была неспособна забить ни одна краска. Заметив, куда я смотрю, Тюльпана одернула штаны.

– У меня тоже такой есть, – призналась я, хлопая по своему предплечью, где находилась метка Рэйчел. Она выпрела сразу же, как огонь сожрал ее тело в той чертовой рыбацкой лачуге, куда заявился Джулиан посреди ночи.

– У многих ведьм есть или были атташе, – ошетинулась Тюльпана. – Это не делает нас с тобой похожими.

– Ты хотела скрыть метку, чтобы не вспоминать. Очевидно, тот атташе был важен для тебя...

– Я не собираюсь обсуждать это с тобой.

Я послушно замолчала и кивнула, поднимаясь с табурета. Стоило мне сделать несколько шагов в направлении двери, как Тюльпана встрепенулась и демонстративное презрение сползло с ее лица покрывалом.

– Стой! Ты куда?

– Ухожу. Кажется, мы закончили, разве нет?

Я накрыла ладонью круглую дверную ручку, и позади меня раздался вымученный стон. Похоже, признать, что она нуждается в помощи, Тюльпане было больно почти физически. И

как Ферн удалось склонить ее на свою сторону? Но, если получилось у нее, получится у меня. В конце концов, не зря мы сестры.

– Ты совсем не похожа на Ферн, – прошептала Тюльпана вдруг, вторя моим мыслям, и уставилась на окно, почти не пропускающее света. – Не такая хваткая и самодостаточная, как она, но и не такая... полоумная.

– Да, спасибо... Наверное. – Я повернулась, поиграв ключом в руке, хотя услышанное больше походило на оскорбление, чем на комплимент. – Именно это я и пытаюсь до тебя донести.

– Ты правда отпустишь меня, когда я расскажу тебе все, что знаю?

– И когда научишь, да.

– С чего мне тебе верить?

– С того, что, как ты и сказала, я не похожа на Ферн. По-моему, с учетом нынешних обстоятельств, тебе должно этого хватить.

Тюльпана вздохнула и подавилась, выкашливая на пол багровую слюну. Я поморщилась, осознав: у нее нет другого выбора, кроме как согласиться.

– Аврора поит меня мышьяком, чтобы я не могла колдовать. Так что, если у тебя в Шамплейн можно пить что-то, кроме яда... я согласна.

Тюльпана ухмыльнулась, и я подошла к ней, наклоняясь над цепями. Она напряглась всем телом, часто задыхалась, увидев, как близко я поднесла к ней единственную надежду на спасение – медный ключ. Но, не торопя события, я села на корточки и спрятала ключ за спину, уверенная, что Тюльпане не хватит сил отобрать у меня желаемое.

– Только сначала принеси мне ковенант...

– Еще чего!

Она прыгнула на меня, вереща, и такая прыткость ошеломила меня. Сколько бы мышьяка ей ни скормила Аврора, Тюльпану было не так просто убить. И даже не так просто ослабить.

Я выставила руку, шепча заклятие и прикосновением опалая ее плоть до костей, но, проведя в заточении столько времени, Тюльпана будто разучилась чувствовать боль. Она дернула другой рукой и ударила меня по лицу увесистой цепью. Я поперхнулась кровью, сочащейся из разбитых губ, и, откатившись на спину, услышала, как защелкали замки. Тюльпана принялась ловко снимать их.

– *Rhewi!*

Придя в себя, я вскинула голову, глядя на Аврору, распахнувшую дверь. Тюльпана, разъяренная, уже успела сбросить оковы и с криком бросилась на нее, но остановилась на расстоянии вытянутой руки от Авроры, схватившись за сердце.

– Что ты сделала? – выдавила она хрипло, снова став подавленной и слабой.

Поднимаясь на ноги и проглатывая кровь, я расслышала шепот Авроры. Немецкий язык был известен мне лишь из того, что я читала в ее главе, но несколько слов я разобрать сумела: *«Твоя душа другой принадлежит»*.

Что-то толкнуло меня в грудь, и я схватилась за сердце, ахнув, когда в нем растеклось жидкое пламя. Это длилось не дольше секунды, но, когда ощущение прошло, оно оставило после себя приятный теплый шлейф – прилив магии.

– Я придумала вторую часть наказания, – усмехнулась Аврора, отбрасывая за спину рыжие выющиеся волосы. С их кончиков капала вода. – Тебе ведь нельзя верить, Тюльпана. Я так и думала, что ты попробуешь провести Одри, поэтому сама подарила тебя ей. Теперь ты служишь ковену Шамплейн, которому, к слову, не можешь причинить вреда. Я написала это заклятие всего пять минут назад, пока принимала ванну. Вдохновение накатило. Как тебе? Надо бы добавить его в гримуар.

Тюльпана раскрыла рот, но, так ничего и не сказав, бросила на меня острый, как шпилька, взгляд. Ее кулак устремился к моему лицу, но завис в нескольких дюймах, а затем безвольно разжался.

Так вот что это было – сила новой ведьмы, примкнувшей к моему ковену, пусть и против воли.

– Отныне она твоя Верховная, – кивнула на меня Аврора, не обращая внимания, как Тюльпана пыхтела от бессильной ярости, стуча ногой о пол и рыча. – Страшнее участи и не придумаешь! Я действительно гениальна.

Я фыркнула, приняв оскорбленный вид, но Аврора была так довольна собой, что не заметила этого. Тюльпана вскинула подбородок, с вызовом глядя ей в глаза, и надменно процедила:

– Бойся, *мама*, это у нас наследственное.

III

Остара

– А потом Тюльпана такая: «Это наследственное, мама». Нет, ты представляешь?! Это ведь все меняет! На кой черт я поперлась на этот чердак вызволять дочь Авроры? И Зои ведь даже не предупредила меня!

Выслушав мой эмоциональный пересказ недавних событий, длящийся почти полчаса, Исаак со смачным хрустом откусил сэндвич и качнул головой в знак понимания.

– Да уж, ну и дела.

Несмотря на то что ковен Шепота остался далеко позади, а Зои взяла на себя перевозку Тюльпаны из Нью-Йорка в Берлингтон, позволив мне телепортироваться домой, я все еще кипела от злости. Разбитые Тюльпаной губы начинали ныть каждый раз, как я пыталась надкусить ломтик сэндвича, любезно нарезанного для меня Исааком. По крайней мере, мне не пришлось толкаться с Тюльпаной в машине и дожидаться, когда она запакует в чемоданы все свое барахло. Когда я уходила, Тюльпана в лаковых сапожках спускалась по каменной лестнице. Отдраенная от пятен грязи и крови, ее кожа оказалась розовато-фарфоровой, а поперек левого глаза тянулся тонкий шрам, прежде спрятанный под челкой. Рваные джинсы и стильная черная кожанка идеально дополняли образ плохой девчонки. Даже я засмотрелась на то, как гордо она вышагивает, припудренная. И не скажешь, что еще час назад Тюльпана гремела цепями на чердаке и пила воду из собачьей миски.

Тряхнув головой, я вернулась к сэндвичу с пикантной чоризо и вытянула ноги, погружая ступни в прохладный песок.

– Зато у тебя в ковене собралось сразу несколько потенциальных Верховных, – вдруг сказал Исаак, не оставляя попыток приободрить меня. – Скоро ты станешь сильнее Ферн.

Я поджала губы и призадумалась. И вправду: Зои – преемница легендарной Мари Лаво, которая когда-то должна была занять место Рафаэля. Тюльпана – следующая Верховная, хоть ее мать и не собиралась в ближайшие столетия уступать ей свое место. Ну а Диего... Просто Диего. С ним и так все ясно.

– Аврора сказала еще что-нибудь полезное? – спросил Исаак, любуясь голубым заливом Шамплейн, который расстилался перед нами.

– Кроме того, как она рада спихнуть Тюльпану кому-нибудь, нет, – буркнула я, съездившись от порыва весеннего ветра. – Еще Аврора упомянула, что хотела оставить Тюльпану младенцем на попечение ее отца... Но ковен вынудил ее забрать дочь согласно законам. Судя по всему, Тюльпана рождена от смертного... Аврора назвала имя «Бартоломью». Хм, где-то я уже его слышала.

Имя действительно казалось мне чертовски знакомым, и, возможно, я бы даже вспомнила того, кому оно принадлежало, но мои мысли прервали слова, произнесенные нараспев:

«Пропуская катафалк вперед, подумай, не завтра ли твой черед».

Мне и раньше доводилось слышать чужие мысли, но они всегда принадлежали Джулиану. В такие моменты я срывалась с места и бежала без оглядки, благодарная, что он давал мне фору, предупреждая о своем приближении. Но ни этот голос, ни песня точно ему не принадлежали. Однако то все-таки были мысли: спутанные, пытающиеся привлечь к себе внимание.

Откуда они в моей голове?

– Ты в порядке? – нахмурился Исаак, заметив мою встревоженность.

– Я... Да, показалось просто. Птицы, наверное.

Вряд ли птицы умели петь человеческим голосом, но, выдавив измученную улыбку, я смогла убедить Исаака, что не сошла с ума.

– Сегодня предстоит много дел. Зои с Тюльпаной приедут только к вечеру, а сегодня Остара... Порядок в доме нужно навести, очаг заговорить, ужин приготовить. И еще...

Исаак кивнул и достал блокнот, записывая все мои распоряжения.

Спокойные волны Шамплейн походили на шелковую ткань. Переливаясь в свете низко висящего солнца, вода мерцала. А на пне рядом с нами стояла корзинка для пикника с домашними бутербродами, пледом и горячим чаем. Я удивилась, переместившись домой на рассвете и застав Исаака на берегу со всем этим добром. После того как он лишился руки, фантомные боли мешали ему спать. Исаак вскакивал спозаранку и бежал из дома, прихватив с собой очередную учебник по оккультным наукам – за этот месяц он прочел почти всю библиотеку ковена. Впрочем, я была уверена, что он плохо спал по ночам не только из-за физической боли, но и из-за душевной: каждый сантиметр дома напоминал ему о Виктории. Мебель, которая передавалась из поколения в поколение, фамильная геральдика на обоях и даже портреты Виктории анфас. Я сняла их или завесила шторами, но гнетущую атмосферу дома это не смягчило. Судя по тому, что однажды я застала Исаака плачущим над ее фланелевой рубашкой, еще хранящей аромат сандаловых духов, он до сих пор не свыкся с мыслью, что много лет любил хладный труп.

– Мы все успеем, не волнуйся, – сказал он, пряча ручку и блокнот в нагрудный карман рубашки. – Когда снова думаете отправиться в путь?

– Надеюсь, не скоро, – вздохнула я, кусая сэндвич. От удовольствия я замычала: кулинарный талант явно был присущ не только маме. – Я нашла всего двух ведьм, зато каких!.. Пусть мой ковен будет небольшим, зато могущественным. Пока этого хватит. Кстати, насчет ведьмака...

– Диего? Он приехал вчера днем и успел соорудить спортзал в одной из спален, – сообщил Исаак как-то не слишком радостно. – Они с Коулом сейчас на веранде.

Облизав кончики пальцев, я обернулась к особняку из белого камня, возвышавшемуся на холме. С каждым днем он выглядел все приветливее и светлее. По крайней мере, я очень хотела в это верить.

– Вдвоем?

– Да, они поладили. – Исаак потер культю. Он то и дело норовил взяться за что-нибудь левой рукой, так и не свыкнувшись с ее отсутствием. Я пообещала ему сделать алхимический протез, когда рука хорошенько заживет, но так и не успела закончить слепок из-за постоянных разъездов. – Диего поселился по соседству от тебя. Кажется, раньше та комната принадлежала Деборе... Его даже не смутили розовые бабочки на обоях. Видимо, хочет быть к тебе поближе, – многозначительно подмигнул Исаак, поправляя очки.

– Не хочу его огорчать, но чаще всего я ночую в комнате Коула.

В лице Исаака произошла молниеносная перемена, но я не поняла, что она обозначала. Пока он не забормотал:

– Кстати, об этом... У меня вызывает весьма противоречивые чувства тот факт, что моя дочь спит в одной постели с мужчиной в таком возрасте и... вне брака. – Я поперхнулась. – Конечно, моя история с Викторией тоже не пример для подражания, но тебе я желаю только самого лучшего, поэтому...

– Папа, – вздохнула я тяжело, раскачиваясь на поваленном дереве. – Несмотря на то что я теперь и впрямь зову тебя «папа», я уже взрослая. Спасибо за заботу. Мы с Коулом стали ночевать в одной постели спустя месяц после знакомства. Если ты волнуешься об... иных аспектах наших отношений, не волнуйся: каждая молодая ведьма знает чары или зелье от нежелательной беременности, так что раньше времени дедушкой ты не станешь.

Исаак порозовел, а затем молча подорвался с места и стрел в корзину свою книжку и остатки нашего завтрака.

Я хохотнула, позабавленная, и встала следом, помогая ему собрать вещи.

– А что делает Сэм? – решила сменить тему я, двинувшись вместе с Исааком вверх по холму.

– Храпит и пускает слюни в подушку, вероятно. Очень... заносчивый тип, но готовит вкусно.

– А Гидеон?

– Вернулся на ферму, чтобы уладить какие-то вопросы с кленовой фабрикой. Кажется, ее планируют закрыть...

Я выдохнула с облегчением: с тех пор как Коул ослеп, я не знала, как буду смотреть Гидеону в глаза. «Не дай ему умереть из-за тебя или за тебя», – сказал он однажды. Конечно, слепота Коула была не прямым нарушением данного мною обещания, но... Едва ли это будет весомым аргументом для Гидеона. Встреча с ним сулила мне неприятности, а сейчас мне уж точно было не до охоты на ведьм.

Исаак кряхтел, пробираясь через траву, которая успела вырасти настолько, что доходила нам до колен (возможно, из-за магии, что вновь поселилась здесь). Держа меня за руку, как маленького ребенка, он мотнул головой, возвращая на переносицу съехавшие очки. Руки у него больше не тряслись, и я невольно улыбнулась, сжимая его шершавую ладонь. Во мне зрело чувство вины, будто я совершаю предательство – предаю Валентина Эбигнейла, который вырастил меня, как свою дочь, а теперь словно подлежал забвению. Однако почувствовать себя ребенком было слишком приятно, чтобы угрызения совести помешали мне наслаждаться нашей утренней прогулкой с отцом.

Исаак поднялся на крыльцо следом за мной и, помахав блокнотом с записанными инструкциями, скрылся в доме, чтобы начать подготовку. Я же двинулась в обход особняка к веранде, пристроенной под сенью балконов.

– То есть это возможно?

– Ну, гипотетически... да. Только для этого понадобится инструментарий.

– Что конкретно тебе нужно?

Я застыла, не успев выйти из-за угла. Бархатный голос Коула, еще хриплый после сна, сложно было не узнать. Он оживленно расспрашивал Диего о чем-то, а тот охотно отвечал, заинтригованный, если не возбужденный. Оба они, судя по скрипу стульев, сидели на креслах-качалках с видом на темную часть леса, где так любили распивать лимонный чай моя мама с Рэйчел.

Снова раздался скрип, и Диего, кажется, приподнялся. Щелкнула зажигалка, и ветер донес до меня запах ментоловых сигарет.

– Бычье сердце, вулканическая соль, забродившее виноградное вино, эссенция трупного яда. – Это бы звучало как неудачный рецепт ирландского рагу, если бы в конце Диего не добавил: – И главное, ее останки. Или хотя бы какая-нибудь личная вещь.

Я привалилась спиной к стене. Их голоса звучали приглушенно – очевидно, как раз для того, чтобы никто не подслушал. Поднеся к уху два пальца, я шепнула детское заклятие, которое позволяло нам с Джулианом всегда оставаться в курсе событий ковена, даже когда взрослые выставляли нас за дверь:

– *Ушки на макушке.*

Голоса сразу зазвучали отчетливее.

– Только вот ты слепой... Как ты собираешься достать мне все это?

– Я знаю, кого попросить. Не тревожься об этом.

– Зачем тебе это, парень? Весь дом будет вверх тормашками. Одри это не понравится...

– Одри не должна об этом знать. – Коул запнулся. – Пока что. Хочу, чтобы это было... сюрпризом.

– А ты романтик! – В голосе Диего сквозила издевка, и я напряглась. – Ладно. Не могу отказать в первой просьбе нового друга, тем более столь обаятельного. Будь все полицейские такими лапочками, глядишь, я бы стал меньше нарушать закон!

Диего по-лиси фыркнул, когда смеялся. Я выглянула из-за угла. Они сидели к дому боком, и мне удалось разглядеть, как Коул весь подобрался, будто приготовился защищать свою честь.

– Это что, флирт? – уточнил он настороженно, отставляя на стеклянный столик кружку с кофе, интерес к которому был утрачен.

– Ого! Как ты догадался?

– Одри научила определять, – ответил Коул, не распознав сарказма. – Слушай, я... я не по этой части.

– А по какой ты части?

– По гетеросексуальной.

Я прыснула со смеху, прижав ко рту сжатый кулак, и наконец-то вышла из своего укрытия. Мне пришлось несколько раз кашлянуть, чтобы Диего перестал пожирать Коула глазами и, выпустив в воздух колечко дыма, посмотрел на меня.

– Верховная!

Я молча подошла к Коулу, который тут же вздернул подбородок и вытянул руки мне навстречу. Заключив в крепкие объятия, которые заставили поверить, что я и впрямь дома, он усадил меня к себе на колени.

Его нос ткнулся в ложбинку под моей ключицей, и я прижала кудрявую голову Коула к себе, целуя, пока он слушал стук моего сердца, словно желая убедиться, что это на самом деле я.

– Ты в порядке? Я почувствовал странную боль недавно, будто кто-то дал мне скалкой по зубам... – прошептал он.

– Ах это! Губу случайно прикусила, да, – соврала я, решив умолчать про драку с Тюльпаной.

– Хм... Я думал, ты вернешься только через неделю, как обычно.

– Я ведь обещала отпраздновать с тобой Остару, – напомнила я, улыбаясь, и Коул поднял ко мне лицо. Я замлела, любуясь ямочками на его щеках и легкой щетиной, которая смотрелась столь непривычно, но так привлекательно. Увы, когда Диего затушил сигарету и демонстративно раскинулся в кресле, напоминая о своем присутствии, я вернулась в реальность: – Кстати, я тут ненароком подслушала ваш разговор...

Тело Коула напряглось, а губы сжались в плоскую линию.

– Какой разговор?

Что-то остановило меня от того, чтобы тут же обрушить на Коула шквал негодования и расспросов. Я знала, каким скрытным и хитрым он умеет быть, когда хочет: так он обзавелся и меткой атташе, которая теперь скрывалась под рукавом его кашемирового свитера. Как бы я ни пыталась контролировать его, Коул всегда делал то, что считал правильным, и атака в лоб только бы все усугубила. Решив, что лучше будет потолковать об этом с Диего с глазу на глаз, я притворилась невинной овечкой и сказала:

– Диего, не вздумай уводить у меня парня!

Тот поперхнулся, а Коул густо покраснел, сцепляя пальцы замком за моей спиной и пряча лицо, чтобы я не видела, как он умилительно сконфужен.

– Да я просто шутил! Впрочем, когда живешь несколько веков, и впрямь перестаешь обращать внимание на пол... – Диего задумчиво прищурился. – В мире же столько разнообразия! Обидно умереть, не попробовав все. Живем-то один раз. А вы оба такие душки! Даже не знаю, кого выбрать.

– Погоди... Оба? – переспросил Коул, напрягшись.

Да уж, прямолинейности Диего было не занимать. Я наградила его уничижительным взглядом, но он лишь пожал плечами, простодушно улыбаясь. Пирсинг на его лице блеснул, и Диего закурил еще одну сигарету из серебряного портсигара.

– Пошли, – шепнула я Коулу, поднимаясь и утягивая его за собой, чтобы не позволить напасть на Диего и лишиться не только зрения, но и пары конечностей. – А ты... – Я сверкнула глазами на ведьмака, закурившего уже третью сигарету. – Будь как дома, но не слишком. Мы сегодня празднуем Остару... Так что сделай что-нибудь полезное к вечеру, а завтра начнем мое обучение.

– Слушаюсь, мэм!

Диего отсалютовал мне, и мы с Коулом вошли внутрь. Когда все, включая моего отца и Сэма, который вышел из кухни с тарелкой глазуньи, остались за дубовой дверью спальни, я наконец-то выдохнула с облегчением.

– Иди ко мне.

Я прыгнула на Коула, и, если бы позади него не стояла постель, мы бы рухнули на пол. Кажется, от моего бурного проявления чувств он даже опешил: стукнулся затылком об изголовье и смешно ойкнул, уставившись на меня потускневшими глазами.

– Вижу, ты и впрямь сильно соскучилась. – Его губы тронула медовая улыбка, и я наклонилась, чтобы вобрать ее в себя поцелуем.

– А насколько соскучился ты? – спросила я.

Вместо ответа Коул рывком перевернулся, и я оказалась под ним. За это время я почти забыла, какого это – лежать под весом его тела, выбивающим из легких дыхание, и чувствовать себя самой защищенной на свете.

– Может, хотя бы расскажешь, как обстоят дела с ковеном? – спросил Коул тихо, нависая надо мной. Его кудри щекотали мне лоб. – Как именно ты повстречала Диего, куда вы еще ездили с Зои и...

– Ох, Коул, давай не сейчас!

Я накрутила ворот его футболки на кулак и наклонила к себе так резко, что мы ударились лбами. Наши губы быстро встретились, и, пускай мои еще побаливали, мы не отрывались друг от друга очень и очень долго. Ему не нужно было видеть; он и так знал, где нажимать и гладить меня пальцами, чтобы уже спустя минуту я заурчала. Снова дома. Снова в его объятиях. Все будто бы вновь стало как прежде, но...

– Эта спальня будет моей!.. Ой, нет, не будет. Блин.

Коул почти избавил меня от бюстгальтера, ловко расстегнув его под кофтой, когда кто-то распахнул ногой дверь. Сквозняк превратил кожу в гусиную, и я натянула на себя одеяло. Коул, не зная, куда деться, замотал головой и принялся натягивать свитер, с которым я расправилась сразу же, как мы оказались в постели.

В дверях красовалась Тюльпана – стройная, как струна арфы, с надменным прищуром аметистовых глаз, которые переливались в полумраке. Каблуки делали ее такой высокой, что она могла бы дышать Коулу в затылок.

– Как вы приехали так быстро? – забормотала я, судорожно поправляя одежду, но Тюльпану будто бы не смущал наш с Коулом растрепанный вид. Она лишь придиричиво оглядывала его спальню, придерживая красный чемодан на колесиках.

– Я владею телепортацией, как и ты. Нет, даже лучше! Перенести машину – плевое дело. И то, что тебя это так удивляет, лишний раз подтверждает, как далеко тебе до первозданного мастерства Верховной ведьмы. Так где мне найти свободную комнату?

– Везде, – фыркнула я. – В любом уголке дома свободно.

– Зои тоже так сказала, но, как мы обе видим, не в любом. – Ее лицо озарила ехидная усмешка, и взгляд остановился на Коуле. – А ты, должно быть, охотник из рода Гастингсов? Мама рассказывала о тебе. Эти кудри и игры под простыней с Верховной... Твой прадед тоже

был весьма известным ходоком по ведьмам. О! А какие глаза белые. – Тюльпана накренилась к Коулу, шагнув внутрь комнаты, и тот прильнул к спинке кровати. – Бедный мальчик!

Я уже свесила с постели ноги, чтобы вышвырнуть отсюда Тюльпану за шкуру, как вдруг остолбенела, связав два и два.

Бартоломью Гастингс? Прапрадед Коула?!

Тюльпана бросила на меня пронзительный взгляд. Судя по всему, чтение мыслей было распространенным талантом в их ковене. Но, так и не ответив на мой немой вопрос, она развернулась на каблуках и устремилась прочь, взмахнув напоследок белоснежными волосами.

– Здесь пахнет пылью и вами. Найду комнату получше.

– Угу, – заторможенно кивнула я, стараясь затолкать этот вопрос о происхождении Тюльпаны поглубже и никогда больше о нем не вспоминать. – Когда разберешь вещи, спустишься вниз и познакомься с остальными. А еще попроси Зои достать все швабры, что у нас есть.

Когда дверь за Тюльпаной снова закрылась, я облегченно вздохнула и открыла окно: воздух в комнате действительно стоял затхлый. Застегнув бюстгальтер, я плюхнулась на кровать рядом с Коулом и взвыла:

– Вот облом! Я надеялась, они приедут только к вечеру. Это была дочь Авроры. Ее зовут Тюльпана... Да, та самая, что помогала Ферн. Только не бей меня! Выбора не было. Я обменяла Вестники на нее. Временно.

Меж бровями Коула пролегла хмурая морщинка, а лицо сделалось непроницаемым. Я мягко надавила ему на спину: мышцы были точно камень. Коул даже не отреагировал на мое касание.

– Тьма, – прошептал он, глядя на дверь, не моргая. – Когда она вошла, я почувствовал Аврору... Они очень похожи. Я доверяю тебе, Одри, – сказал Коул серьезно. – И если ты приняла ее, значит, это и впрямь необходимо. Но...

– Но тебе не нравится мое решение.

– Да, не нравится.

Я вздохнула, и Коул поцеловал тыльную сторону моей ладони.

– Мне надо спуститься, чтобы подготовиться к вечерней Остаре, – проворчала я, неохотно вставая. – Это один из самых хлопотных праздников в ковене. Уборка, уборка и еще раз уборка.

– Может, я помогу? – Коул закусил губу, полный надежды, и я содрогнулась от жалости перед тем, сколько раз он слышал это строгое «нет» в ответ на все его попытки сделать хоть что-то полезное. – Я мог бы хоть в наших комнатах порядок навести...

– Если уверен, что справишься, то давай. Только не убейся. – Я робко улыбнулась, вкладывая ему в ладонь бронзовый колокольчик, чтобы он мог позвать меня или кого-то еще, если потребуется. Коул скривился, показывая, что всей душой ненавидит его: это был пятый колокольчик за месяц. Он терял их, ломал или выбрасывал из окна (якобы ненамеренно, но все мы знали правду).

– А что будет вечером? – успел спросить он, маскируя свое нетерпение любопытством. – Ты говорила про кроликов и размножение...

Я усмехнулась, заметив румянец на щеках Коула, и пообещала, что это будет великолепный вечер, а затем попрощалась и приступила к делам.

Пока Коул гремел в комнате, искренне пытаюсь убираться, я спустилась вниз и вскипятила на плите воду. Вылив в нее половину флакона мятного масла и выжав целый лимон, я проварила настой еще пару минут и сняла с конфорки.

– Иду по земле как друг, а не господин. Мать Богиня и Бог Отец, наделите меня через масло теплом всех живых существ, – прошептала я, разбрызгивая еловой веткой воду с лимоном и мятой по всем углам.

Я прошла так по всем комнатам, невольно отворачиваясь от вещей, которые принадлежали моим братьям и сестрам. Никакая священная вода не могла вымыть той скверны, что разнес повсюду Джулиан. Не глядя брызнув маслом на детскую кроватку Ноа, я заперла дверь в спальню и поклялась себе больше туда не возвращаться.

Когда дело было сделано, а от бега со шваброй и ведром у меня начала болеть спина, я решила, что пора сворачиваться. Зеркала сверкали, а на шкафах не было ни единой пылинки. Полностью удовлетворенная результатом, я вернулась к себе и присвистнула, увидев, что Коулу все же удалось упорядочить хаос из книг, глянцевого журналов и моей одежды. Открыв гардеробную и вытащив традиционную белую тунику с длинными рукавами и золотой вышивкой по линии декольте, я быстро переоделась. Тяжело было смотреть на свои руки, очерненные до самых локтей, а потому одевалась я не глядя, крепко зажмурившись.

– Чего-то не хватает, – задумчиво промычала я, взглянув на свое отражение, и открыла деревянную шкатулку с драгоценностями, чтобы найти, чем дополнить свой образ. Внутри, рядом с сережками и ожерельями, пылилось бронзовое зеркальце Коула, а рядом угрожающе поблескивали часы Исаака с надколотым циферблатом, внутри которых таился диббук. Не найдя ничего подходящего, я вздохнула и, немного поколебавшись, достала золотой браслет с запертыми внутри гримами. Он легко застегнулся на моем запястье, пока я спускалась вниз.

Стол был уже накрыт. Зои расставляла последние блюда из серебра, а Диего осторожно связывал букет из весенних цветов – нарциссов и сциллы, – чтобы добавить их в алтарную вазу. В то время как Тюльпана даже не соизволила выйти из комнаты, он весь день работал за троих, оказавшись невероятно трудолюбивым: успел наколоть и перетаскать к печи дров, а затем помог Зои с уборкой нижнего этажа. К вечеру его неоновые-синие волосы стали пастельно-голубыми, как жвачка, и почти все рунические татуировки на бронзовой коже спрятала светлая рубашка из льна.

Поймав мой изучающий взгляд, Диего отвлекся от разглаживания желтых лепестков и улыбнулся:

– А где твой кудрявый ангел?

Не успела я всерьез задуматься об этом, как в гостиную вошел Исаак, ведя за собой Коула. Они тоже позаботились о подобающей одежде: кремовых тонов и из легких, полупрозрачных материалов. Я невольно вспомнила кладбище Метейри, где Коул предстал в похожем виде, и на душе потеплело.

– Пахнет вкусно, – промычал он, поведя носом. Веснушки на нем успели потемнеть: должно быть, последние дни Коул много нежился на солнце. – Значит, первая традиция Остары – это сытный ужин?

– Да, Зои с Сэмом воплотили старинный рецепт моей семьи. Дикий лосось на овощной подушке и... В общем, попробуешь. Но это только прелюдия!

– Ага, потом еще шоколадный пудинг, – облизнулся Исаак, поглядывая на духовку.

Я усмехнулась, ведь имела в виду совсем не это.

– Что ж, можем начинать, раз все готовы.

– Не все. Тюльпана отказалась спускаться, – осторожно сообщила Зои, пытаясь пригладить рыжие непослушные волосы Сэма, которые не брал даже укладочный гель.

Тот отмахивался от ее руки, ворча, что не соглашался принимать участие ни в каких шабашах и что ему вполне хватило прошлой поездки в парк Глейшера.

– Может, черт с ней? – предложил Сэм, все же вырвавшись из рук Зои и отвоевав свое право ходить непричесанным. – Я помню эту Аврору... Она как-то сказала, что мой удел таскать кастрюли. – Сэм бросил смущенный взгляд на праздничный стол, большая часть которого была приготовлена его руками. – Не хочу сидеть рядом с ее отпрыском.

– Мы ковен, – возразила я. – Даже те из вас, кто не приносил мне клятву и не имеет отношения к колдовству. Отныне мы семья, так что сядем либо все вместе, либо не сядем вообще.

На миг мне показалось, что Исаак взглянул на меня с гордостью. Оставив его за главного, я поднялась наверх и постучалась в комнату под самым чердаком.

– Тюльпана, – позвала я, распахнув дверь, когда разрешения войти так и не последовало. – Все уже собрались...

– И что?

Она сидела на высоком многослойном матрасе под балдахином, подогнув ноги и раскинув на коленях книгу, обтянутую коричневой кожей. С павлиньего пера, зажатого в ее пальцах, капали красные чернила. Лишь когда Тюльпана лизнула кончик указательного пальца, я поняла, что это никакие не чернила, а кровь. Поморщившись, но постаравшись не придавать этим причудам значения, я огляделась. Несмотря на то что у Тюльпаны было время на распаковку вещей, чемоданы стояли нетронутыми. Ими была заставлена вся спальня, помпезная и холодная, как и ее новая владелица.

– Ты так и будешь здесь стоять? – спросила Тюльпана, наконец-то отвлекшись от своей писанины. – Я не голодна, спасибо.

Мое терпение начинало трещать по швам.

– Сегодня Остара, – напомнила я и снова попыталась донести до нее одну простую мысль: – В Остару принято собираться вместе и чествовать начало весны. Быть дружелюбными. Делиться. То, как ты проведешь этот день, определяет, какие плоды принесет год – сладкие или горькие...

– Значит, этому учат маленьких ведьм в ковене Шамплейн? – спросила Тюльпана с откровенной насмешкой и захлопнула книгу, которая, по-видимому, была ее дневником. – Если не отпразднуешь Остару как следует, то ты обречен? Глупости! Какой толк в ритуалах, если они не приносят ощутимого результата?

– Это называется «традиция», – ответила я, удерживая взгляд Тюльпаны. – Хороший повод узнать друг друга лучше. Мы ведь теперь связаны, забыла?

Я ткнула пальцем себе в грудь, туда, где ощутила силу Тюльпаны впервые, когда Аврора подарила ее мне, как сломанную игрушку. Будто вспомнив ту тяжесть в груди, словно от удара, Тюльпана тоже прикоснулась к сердцу.

– Я выполню свою часть сделки, – сказала она. – Научу тебя тому, что знаю, и помогу одолеть Ферн. Но я не обязана притворяться, что уважаю тебя и твои абсурдные правила. Я часть твоего ковена, но я не твоя подружка.

– И слава богу, – театрально перекрестилась я. – Ты обязана присутствовать на Остаре, потому что ты *моя* ведьма. Я все равно не оставлю тебя в покое, пока ты не пойдешь со мной. Проще отмучиться один час, чем терпеть меня всю ночь, не находишь?

Тюльпана застонала, но, кажется, мой довод прозвучал убедительно. Она не торопясь слезла с постели и уже собиралась последовать за мной, как я жестом остановила ее, кивая на гардероб:

– Ты должна переодеться во что-нибудь белое...

– Нет.

– Ну ладно.

Решив, что одного спора с ней на сегодня хватит, я отошла в сторону и молча пропустила ее.

– А какими дарами ты владеешь, кстати? – поинтересовалась я, вдруг осознав, что и представления не имею, чему конкретно Тюльпана намерена обучать меня.

– Всеми.

– Что значит «всеми»?

Тюльпана резко остановилась. Несмотря на то что я стояла на пару ступеней выше ее, я почувствовала себя маленькой и ничтожной, когда она ответила:

– Аврора долгие годы скрывала от меня, что мне предназначено стать следующей Верховной. Из страха, что однажды я пойму это и захочу отвоевать свое законное место, она почти не обучала меня. Пришлось осваивать магию самостоятельно, по книгам... Лишь когда мне удалось сотворить свое первое заклятие, я вдруг осознала, что заурядная ведьма не способна на такое. Я пришла к Авроре, но она только рассмеялась: «И ты думаешь, освоить восемь даров достаточно, чтобы ты стала достойна меня? Расти, девочка. Еще не скоро придет тот день, когда я буду готова уйти и уступить тебе». – Тюльпана мастерски изобразила ее голос. – Так что, да, я владею каждым из восьми даров, но, как видишь, проку от этого никакого. – Она растерла запястья, на которых белели шрамы от железных оков. – Я научу тебя каждому из них, вот только от Ферн тебя это не спасет.

Она направилась к гостиной, откуда доносились голоса, оставив меня стоять на лестнице в замешательстве. Это было искреннее признание или завуалированное запугивание?

Восемь, черт возьми, даров!

– Все в порядке? – спросил шепотом Коул, когда я заняла место рядом с ним.

Накрыв его руку своей, я кивнула. Тюльпана села между Зои и Исааком в углу и с отстраненным видом положила себе на тарелку горсть салата и печеной картошки.

Дальше все пошло как по маслу. В конце концов, этот урок я усвоила еще в детстве – вкусная еда сплачивает. Когда все заняты угощениями и мыслями, как бы отщипнуть от лосося самый мясистый кусок, некогда найти время для ссор.

– А вот и клубничное вино, – объявил Диего, водрузив на стол ящик с бутылками, одну из которых он откупорил щелчком пальцев и разлил по бокалам. – Купил на рынке по пути в Вермонт. Слышал, в ковене Шамплейн на Остаре как раз варят клубничное вино.

Я сделала маленький глоток и замычала от удовольствия, как и остальные. Даже Коул пригубил полрюмки, не устояв.

– Хм, верно. Откуда ты знаешь о наших традициях?

– Я знаю о традициях большинства ковенов мира. Верховный, под присмотром которого я когда-то жил, был помешан на истории колдовства.

– Погоди, ты жил в ковене? – Я нахмурилась, и Диего подлил еще вина мне в кубок. Золотой, украшенный самоцветами, он раньше принадлежал Виктории. Удивительно, как она справлялась с такой тяжестью – из-за обилия рубинов его было сложно даже оторвать от стола. – Как же ты стал неприкаемым?

– Сбежал. – Диего сверкнул улыбкой. – Я сирота. В семь лет меня усыновила семья людей, но я был нужен им только, чтобы помогать по хозяйству с еще пятью приемными. Я решил, что жить на улицах всяко лучше, чем в качестве бесплатного чернорабочего. С магией я легко пережил голод, пока не закрепился в чикагской банде. А к концу Второй мировой, когда от Аль-Капоне, Мура и всех подобных им уже ничего не осталось, меня подобрал ковен на границе с Мексиканским заливом. Микаэлл был добр ко мне, но... – Диего смолк, и едва я успела заметить угрюмую тень на его лице, как оно вновь разгладилось и просияло. – Что было, то прошло! Кому еще вина?

– Аль-Капоне?! Стэнли Мур?! Ты говоришь о гангстерах? – вырвалось у Сэма. Похоже, это было единственное, что он услышал. – Они ведь жили еще в двадцатые! Обалдеть, какой ты старпер.

Мы рассмеялись, а Зои покрылась испариной, решив умолчать, что младше Диего всего лишь на десять-двадцать лет. Тишина за столом быстро уступила место праздной болтовне. Ребята начали обсуждать рецепт рыбы, а потом переключились на споры о любимых кинофильмах. В какой-то момент, пока я набивала рот закусками, Зои решила проявить инициативу и взялась за рассказ о том, где мы с ней успели побывать за последний месяц.

Нью-Джерси. Детройт. Мичиган. Игнорируя мое возмущенное мычание, она не поленилась упомянуть даже о том, как несколько неприкаянных отказали мне. В конце концов она добралась до нашей встречи с Диего: он улыбался, размахивая вилкой в знак согласия со всем, что слышал, а затем в красках описал нашу драку в Дуате. Коулу это не понравилось: он даже отказался от рыбы, когда я предложила ему помочь и покормить его, чтобы он не проткнул себе щеку вилкой, как в прошлый раз.

Дослушав до момента, когда я натравила на Диего сумеречное чудовище, Исаак поперхнулся и подметил, что не видел такого заклятия в гримуаре Виктории. Мне повезло, что в этот момент Сэм опрокинул на себя противень с бульоном и прервал разговор своим бурным сквернословием. Руки предательски зачесались там, где Шепот отравил их. Сложно было не заметить, с каким снисхождением посмотрела на меня Тюльпана в этот момент, безмолвно поглощая картошку.

Но она веселилась до тех пор, пока не пришло время для ритуальной части.

– Вот в этой ахинее я участвовать точно не буду, – отрезала Тюльпана, сложив руки на груди, когда все вышли из-за стола и собрались в гостиной у камина, выжидая, когда она присоединится. Я придерживала Коула под локоть, вручив связку ненавистных ему васильков, а себе выбрав солнечный подсолнух. – Сжигать цветы, чтобы... Что? Попрошаться с чем-то плохим из ушедшего года, верно? Будто это поможет забыть все то дерьмо, что с вами приключилось.

– Ну да, это ведь не так круто, как мужиков в жертву приносить ради крови и молодильных яблок, – съязвила Зои в ответ.

Я вздохнула, массируя пальцами виски. Боже, почему это так сложно? Как у моей мамы только хватало сил объединять под одной крышей столько не похожих друг на друга людей? Почему же у меня не получается?

– Лично мы все не прочь поучаствовать, – ответил вместо меня Коул, за что я была безгранично ему признательна. Он ласково прошелся пальцами вдоль моего позвоночника, разгоняя напряжение и усталость, скопившиеся в мышцах за столь долгий день. – Исаак рассказал, что нужно делать, и я даже придумал, с чем именно хотел бы проститься... Хотя это не такая уж тайна, наверное.

Тюльпана накручивала на указательный палец локон белых волос, но со стула так и не поднялась. Гостиную и столовую разделяла широкая арка, а нас с Тюльпаной – несколько метров. Аметистовые глаза буравили меня, испытывая: Верховная я или нет? Диего уже делал так в том баре. Ее бессмысленная подростковая строптивость тоже не должна была остаться безнаказанной.

Но едва я подалась к Тюльпане, чтобы взяться за ее воспитание, как Коул обвил рукой мою талию, притягивая к своему боку. Ему не нужно было видеть меня, чтобы почувствовать: я на пределе. И не столько из-за характера Тюльпаны – просто все разваливалось на кусочки.

Я бросила тоскливый взгляд на огонь в камине и вздохнула, вспоминая, как мы проводили этот ритуал с мамой. Желтый подсолнух начал увядать в руке.

– Катитесь к Баалу со своими торжествами, – буркнула Тюльпана и, схватив со стола горшочек с печеной картошкой, юркнула в другую арку и исчезла.

– Ну и хорошо, что она свалила, – вставила свои пять центов Зои, заметно повеселев и приободрившись, когда нас осталось всего шестеро. – От ее дешевых духов из массмаркета уже голова трещит! Мы и без нее справимся, да, Одри?

– Я бы хотел начать первым. – Диего вдруг выступил вперед, держа в руках изящную орхидею с бирюзовыми прожилками под стать цвету его волос. – Или ритуал должна начать Верховная?

– Нет, – я выдавила слабую улыбку. – Верховная заканчивает, а не начинает. Прошу.

Он кивнул, сделавшись серьезным, как никогда прежде. До начала ритуального сожжения нужно было начертить солевой круг перед очагом и призывать Матерь с Отцом, но в этот раз я

отмахнулась от чрезмерного официоза. Главное сейчас – выплеснуть то, что лежало на душе, и я больше не могла ждать.

Диего подступил к камину и, задумчиво взглянув на цветок, бросил его в огонь.

– Один – для веселья и радости. К пыли пыль, весна за зимою, – прошептал он на одном дыхании. – Я расстаюсь с прошлым неприкаянного и Микаэлом Де’Трастом.

Мне стало любопытно, что такого случилось между Диего и его бывшим Верховным, но сейчас было не время для вопросов. Он молча проследил за тем, как догорает его орхидея, превращаясь в прекрасное ничто, а затем вернулся в полукруг.

Следующей вышла Зои.

– Второй – прогнать печаль. К пыли пыль, весна за зимою. – Она кинула в камин тонкую веточку вербены, рассыпающуюся, как пух. Отблески искр плясали на темно-оливковой коже Зои, пока она смотрела, как ее подношение съедают языки пламени, такие же янтарные, как ее глаза. – Я прощаюсь с лавкой Саламандры и своей прошлой жизнью.

Сэм переступил с ноги на ногу, когда Зои, вернувшись к остальным, подтолкнула его в бок. Он бросил панический взгляд на красную астру в своей ладони, а затем на очаг, не представляя, что ему говорить. Зои умиленно улыбнулась и привстала на носочки, шепча что-то ему в ухо.

Кадык Сэма нервно дернулся, но, собравшись с духом, он неуверенно выступил вперед.

– Третий – прогнать бесполезный гнев. К пыли... Э-э... Что-то там, я забыл, – пробормотал он и наотмашь швырнул астру в огонь, даже не взглянув на нее. – Я расстаюсь с самим собой. С тем, каким был раньше. И с Гвендолин Дрейк тоже.

Красный до корней волос, он просеменил к Зои и обнял ее, приняв самый мужественный и хладнокровный вид, на какой только был способен. Я хихикнула в кулак, польщенная, что Сэм вообще принял во всем этом участие. Отношения с Зои влияли на него поистине благотворно: всего пара месяцев как его полюбила ведьма, а Сэм уже стал практиковать наши колдовские штучки.

Исаак, стоя по другую сторону от меня, шумно вздохнул. В единственной руке он держал дивную белую розу – любимый цветок моей матери. Пальцы его дрожали, но уже не из-за диббука или болезни – он плакал.

– Четвертый – взрастить семена. К пыли пыль, весна за зимою, – прошептал он, и огонь отражался в его очках, держащихся на кончике носа. Скрепя сердце он подставил нежные кремовые лепестки под жар камина, и те начали тлеть вместе с воспоминаниями, от которых его небритые щеки сделались мокрыми и солеными. – Прощай, Виктория Дефо, любовь моя.

Треск очага убаюкивал ноющее сердце. Я взяла отца за руку, когда он снова встал рядом. Он не смотрел на меня, прикованный взглядом к белой розе, сгорающей у него на глазах, как когда-то сгорала от рака Виктория.

Коул отстранился от моего плеча и шагнул к камину, ведомый его жаром и треском.

– Пятый – окрепнуть надолго. К пыли пыль, весна за зимою. – Остановившись без чьей-либо помощи точно перед очагом, Коул протянул руку и бросил в него васильки. – Я расстаюсь со своей слабостью.

Он покачнулся, и Сэм поймал его, чтобы помочь найти свое место возле меня. Тогда пришел мой черед.

– Шестой – темные дни теперь ушли. К пыли пыль, весна за зимою. – Я смяла подсолнух, раскрошила в пальцах и, зажмурившись, бросила туда, где уже обратился в пепел весь букет Остары. – Прощай, мое прошлое, вся моя боль и беспомощность. Здравствуй, моя сила с весною и благодатью. Да будет так!

Вместе мы дождались, когда листья и зелень окончательно смешаются с углями и оставят в память о себе лишь аромат тлеющих трав. А затем, улыбнувшись друг другу, вернулись к столу.

– У меня на тебя свои планы, – промурлыкала я Коулу на ухо, удержав его, когда он уже садился. – Нам нужно наверх. Или ты еще не наелся?

– Наелся, – выпалил Коул, едва дослушав, и тут же забыл о подносе с шоколадным пудингом, который вынесла из кухни Зои. – Идем!

Его бурная реакция согрела меня изнутри. Я протасила Коула через весь зал и утянула наверх прежде, чем кто-то успел обратить на нас внимание.

Он то и дело спотыкался на лестнице, из-за чего подъем на третий этаж занял больше времени, чем я рассчитывала. Но там, кроме Тюльпаны, нас точно никто не мог потревожить: любые звуки поглощались дубовыми панелями на стенах и извилистыми коридорами. Добравшись до ванной комнаты, которая раньше предназначалась лишь для Верховных ведьм и ритуальных купаний, я закрыла за нами дверь запечатавающим заклятием, чтобы оградить от незваных гостей.

В глубине комнаты, выложенной изумрудной мозаикой, стояла ванна из литьевого мрамора на четырех золотых ножках. Над ней находилось окно с витражным рисунком, изображающим пеструю колибри. Здесь было холодно и темно, и я на ощупь нашла тумбу под раковиной, где хранились свечи. Маленькие и округлые я вставила в жирандоль, а пеньковые с двумя фитилями расставила в пустых метках. Когда свечами, пахнущими ванилью и кардамоном, были усеяны даже бортики ванны и каменный подоконник, я прошептала:

– *Fehu.*

Они вспыхнули, и ванную комнату озарило желтое свечение. Все это время Коул стоял у двери, не задавая вопросов, и прислушивался к моим шагам, пока я суежилась, подготавливая своеобразный «алтарь». Крутанув бронзовые вентили и пустив струю горячей воды, я добавила в ванну несколько капель сандалового масла и толченые цветки ворожеи.

– И что ты делаешь? – наконец-то подал голос Коул, склонив голову набок.

– У Остары много традиций, – начала я и, опустившись перед наполняющейся ванной на колени, вдохнула ароматный пар, поднимающийся от воды. – Но у всех одна цель – очищение. Сначала уборка и прощание со старым, а потом омовение. Обычно юноши моют девушек – это сулит плодотворный год...

– То есть мне надо помыть тебя? – быстро сообразил Коул, и его лицо озарила мальчишеская улыбка. – Ну, уж это я могу!

Я повернулась к Коулу и медленно стянула с себя тунику, жалея, что он не видит, как я обнажаюсь для него. Но Коул слышал это по шороху ткани: одежда упала к моим ногам, и он облизнул пересохшие губы, покачнувшись навстречу мне.

Освободившись и от белья, я переступила ворох одежды и подошла к Коулу. Прижалась к нему, чтобы он ощутил каждый изгиб моей фигуры не только руками, но и всем телом.

– Ты тоже должен раздеться, – прошептала я, глядя ему в глаза. В сиянии свечей они светились серебром, как два лунных блюда. – Мы немного изменим ритуал.

Коул не стал возражать. Он быстро избавился от сатиновой рубашки, а затем расстегнул брюки, которые я тут же дернула вниз, чтобы помочь ему. Прислонившись к моему лбу своим, Коул тяжело дышал, но соблюдал целомудренную дистанцию. Даже не целовал – только делал, что я велела. Как и всегда.

Когда руки Коула легли мне на бедра, приятный спазм внизу живота едва не заставил меня забыть о ритуале. Но, вернув самоконтроль, я потянула его к ванне, уже набравшейся до краев.

– Я тебя чувствую, – вдруг сказал Коул, и я взглянула на черную полосу, окольцовывающую его запястье.

Она светилась, как не светилась с того самого дня, когда Ферн лишила его зрения. Оранжевая, почти огненная метка пульсировала в такт моему сердцебиению. По спине побежали

мурашки, когда Коул поцеловал меня, не стерпев, и это прикосновение отдалось внутри с удвоенной силой – мои и его ощущения, звучащие в унисон.

– Не торопись, – хрипло приказала я не то ему, не то самой себе и перешагнула через бортик ванны, погружаясь в бурлящий жар воды и ароматного масла.

Коул неуклюже забрался следом и сел позади меня так, чтобы я могла лечь спиной ему на грудь, устроившись между его коленей. Это было истинное блаженство после нескончаемых переездов. Теперь, будучи дома, осыпаемая поцелуями Коула, который убрал в сторону мои волосы и коснулся губами шеи, я впервые за месяц чувствовала себя не только свежей, но и счастливой.

От пара его локоны завились еще сильнее, став тугими и жесткими, как пружинки. Выдавив на ладонь немного ромашкового шампуня, я расчесала его волосы пальцами. В отражении вентиляей было видно, как блаженно Коул сомкнул глаза, урча под моими прикосновениями. Поэтому я удивилась, когда он внезапно перехватил мою руку.

– Это я должен омыwać тебя, разве нет?

Я хмыкнула, послушно отодвигаясь, чтобы дать Коулу возможность откупорить бутылку с душистым гелем. Когда он начал втирать его в мои плечи, я застонала, но невольно устыдилась этого, закусив нижнюю губу. Коул глухо рассмеялся.

– Кажется, тебе нравится. Надо устраивать почаще такие... ритуалы.

Я заерзала, чувствуя поясницей что-то твердое, и ухмыльнулась:

– Не могу с этим не согласиться.

Коул справлялся на удивление ловко, уверенно ориентируясь среди тубиков, которые стояли на деревянном столике рядом со свечами. Он даже ни разу не подпалил над огнем мочалку, которую нащупал рядом с лимонным мылом и решил опробовать. Податливая, я послушно придержала на затылке мокрые волосы, чтобы они не мешали ему тереть мне спину.

В какой-то момент его руки принялись массажировать мои, но остановились. Я приоткрыла один глаз и вдруг вспомнила о черных венах, которые тянулись от запястий до локтей. Коул будто почувствовал их: я с замиранием сердца увидела, как он хмурится, шупая мои руки, будто пытаюсь что-то понять. Неужели охотничья чуйка способна и на такое?

– Как думаешь, почему Ферн до сих пор не напала? – решила завести разговор я, чтобы отвлечь его.

Коул пришел в себя и отпустил мои руки.

– Может, набирается сил. Или не может пройти через чары леса и Нимуэ...

– Наверное. Главное, что она отстала от Берлингтона и все улеглось.

– Не совсем. – Коул опустил мочалку в воду, помрачнев. – Вчера в новостях показывали репортаж из Юты. В Ривер-Хейтс нашли первое тело, изуродованное так же, как у нас... Полиция думает, ритуальный убийца сменил территорию. Теперь его ищут там. Боюсь, Ферн добралась и до Скалистых гор.

Я резко погрузилась в воду, чтобы смыть мыло, и села. Мои руки потянулись к шее, пытаюсь нащупать Вестники даров, чтобы унять волну тревоги. Но я нашла лишь пустоту, которую до сих пор не могла себе простить.

– Ты остановишь ее, – приободрил меня Коул, прижимаясь губами к моему уху.

– И верну тебе зрение, – кивнула я. – Сегодня Тюльпана сказала, что владеет всеми восемью дарами. Значит, исцелением тоже... Она научит меня. – Я привстала и развернулась в тесной ванне, всматриваясь в лицо Коула. – А потом я сама найду Ферн и...

– Надеюсь, на тот момент она уже уйдет из Юты. Это самый религиозный штат США, – пробормотал Коул, опустив глаза. – На этой территории нет ни одного ковена. И ведьмы там не живут. Диего рассказывал.

– А у вас с Диего, я смотрю, уже броманс, – сощурилась я, и румянец, цветущий от тепла на щеках Коула, стал почти свекольным.

– Броманс?.. Что такое броманс?

– То, что часто перетекает в полноценный роман во всяких девчачьих книжонках.

Коул скривился и заглушил поцелуем мой издевательский смех. Удушающие мысли о Ферн и предначертанной мне судьбе отступили. А воск, шипя, скатывался со свечей и капал на холодный гранитный пол. Вода в ванне начала остывать, но мы не заметили этого, слишком увлекшись друг другом. Даже если бы она сделалась ледяной, я бы все равно не пожелала выбираться наружу. Вот бы остаться здесь навсегда – только я и Коул. Почему нет заклинания, которое остановило бы время?

– Ты так и не ответил на вопрос, – прохрипела я, лаская кончиком языка его губы, проводя пальцами по острой линии челюсти. – Насколько сильно ты соскучился по мне?

На груди Коула блестели капли воды. Его тело виднелось под ее толщей – тугие мышцы, плоский очерченный живот. Я устроилась сверху, взобравшись на Коула и оседлав его бедра. Даже служба в полиции не успела оставить на его коже столько шрамов, сколько оставила всего пара встреч с моей родней. Под ключицей виднелось перекрестие двух розовых полос – отметины от когтей диббука-Исаака, когда он пытался разорвать его в клочья внутри горы Кливленд. Я с благодарностью поцеловала этот шрам, и Коул потерся о мою щеку носом, а потом опустил голову, и его губы скользнули вдоль моей шеи, спускаясь к груди.

Я вздрогнула, и метка на его запястье вновь вспыхнула.

– Я покажу тебе, насколько, – ответил он, приподнимая меня за ягодицы, чтобы затем опустить и заполнить своим теплом.

И он действительно показал. А потом еще раз и еще. Кажется, он делал это до самой полуночи.

Уже когда Коул спал под пуховым одеялом, все еще влажный после ванны, из которой нам едва хватило сил выбраться, я свесила с кровати ноги и оделась. Это было неприлично – вот так исчезнуть со своим атташе в разгар праздника, и я не смогла бы уснуть, пока не убедилась, что все прошло гладко.

Бросив белую тунику в корзину для белья, я тихонько вышла из спальни Коула и спустилась вниз.

В гостиной было уже тихо. Похоже, все давно мирно разошлись по своим комнатам. На приборном столе, накрытом чистой розовой скатертью, осталось лишь несколько блюд. О минувшей Остаре напоминал лишь запах мяты и лимона, доносящийся из углов комнаты, и потрескивание догорающего камина. Удовлетворенная этим покоем, я облегченно вздохнула и развернулась, чтобы вернуться к лестнице.

«В белую простынь тебя обрядят, от уха до уха, с макушки до пят».

По спине стек липкий мороз. Я остановилась перед высоким створчатом окном, расплывшимся на французский манер, и вгляделась в ночь, проглотившую лес и берег Шамплейн.

«В гроб деревянный тебя упекут, сверху положат камни и грунт».

Эта призрачная мелодия текла откуда-то извне. Однако слова доносились так отчетливо, что казалось, их напевают прямо мне на ухо.

Золотой браслет на руке завибрировал.

– Что за...

Гримы рвались наружу, как свора диких псов. Украшение обожгло меня, раскалившись. Я вспомнила ворчание Сэма о том, как браслет вибрирует после захода солнца. Неужто так происходит каждый день? Гримы будто откликались на зов, который я не понимала.

Но, может, они смогут объяснить мне?

– Печать сломана моим именем. Покажитесь!

Браслет замер, и по моим пальцам заструилась черная дымка. Она укрыла туманом пол, а затем обрела форму. Показались три взъерошенных кота со связанными хвостами и светящимися глазами, налитыми кровью.

– Ну наконец-то! – запищал Блуд, принявшись тереться зудящей спиной о ножку табурета. – Как тесно в этой бижутерии! Ох, мы так исхудали... У тебя сердца нет, Верховная!

– Вы сами в этом виноваты, – напомнила я, пододвигая стул и садясь напротив. – Вы обманывали меня, притворяясь тем, кем не являетесь. Вам повезло, что мне дорог браслет, иначе я бы кинула его в озеро!

– Но все же ты выпустила нас, – мяукнул Эго, принявшись вылизываться, крутясь волчком. – Почему?

«Все будет тихо во мраке могилы, но в дереве скоро появятся дыры».

Эго, Спор и Блуд одновременно вскинули морды. Я щелкнула пальцами и просияла, поймав их раньше, чем они бы сделали вид, что ничего не слышали.

– Пение! – вскрикнула я от радости. – Вы реагируете на него! Я думала, его слышу лишь я одна...

– Его слышит каждый, кто способен помочь, – пояснил Спор, усевшись на подоконник и дернув ушами от ветра, который влетал в дом из приоткрытого окна.

– Что это значит?

– То, что мы и впрямь не те, кем ты нас считаешь, – усмехнулся Эго и переглянулся с двумя другими котами. Не сговариваясь, они вдруг срослись воедино, как тогда в коттедже Коула при первой нашей встрече: уродливая, долговязая тень с терновым венком, чешуйчатым хвостом и оскаленной пастью.

Я едва не опрокинулась вместе со стулом, отпрянув назад.

– Что вы такое? – прошептала я побелевшими губами, и грозная тень снова распалась на безобидных черных котов, удовлетворенная, что сумела произвести на меня впечатление.

– Шеду.

– Это я уже слышала. Подробнее.

Эго, Спор и Блуд хищно улыбнулись. Голоса их теперь звучали иначе.

– Имя мне Монтаг, Принц Дураков, Изгнанный, но не Отчаянный, – произнес Эго.

– Я есть все, что было тебе нужно, – продолжил Блуд.

– И что нужно по сей день и будет нужно потом, – подхватил Спор.

– Сейчас я твой фамильяр. Три грима, призванные служить и защищать. Завтра я стану большим. Или меньшим. Я стану другим, как другим становится каждый, кто доживает до следующего утра.

– Я есть перемены, что грядут.

– Я есть парус, что направит тебя по их ветру.

– Я – Принц Дураков, – повторили они хором. – И в этот раз я выбрал тебя, так возрадуйся милости своего гения!

– Гения? – переспросила я, откидываясь на спинку стула, и нервно засмеялась. – Подожди... Вы что-то вроде моего ведьмовского ангела-хранителя, верно? И покровительствует мне существо, которое почему-то повелевает... Кем? Дураками? Хм, это как-то оскорбительно.

– Я не существо! – огрызнулись гримы. – Я высший демон!

– Имени Монтаг нет в писаниях Гоегии. Тебя вообще нигде нет. Ты не ровня высшим!

Гримы стусевались, даже Эго, самомнение которого было непомерно огромным для такого щуплого кошачьего тельца.

– Гоегия – глупый перечень глупого Соломана! Да что он знает, – фыркнул тот, пристыженно отворачиваясь.

Я вздохнула, поправляя распахнувшийся халат.

– Если ты шеду, то почему выглядишь так? То есть... вас трое. Но все вы части одного существа, верно? Зачем разделились?

– Такова наша кара, – буркнул Эго, отвернув мордочку. – За последние десятилетия без подопечного мы ослабли... стали пороками, которым сами же потакали. Но скоро все изменится. Мы становимся сильнее, когда ты рядом.

– Тогда другой вопрос. – Коты поочередно мигнули глазами. – Где же вы шлялись пол моей жизни?! Почему мы встретились только в коттедже Коула?

– У нас был отпуск. Как оказалось, именно он нас и ослабил, но...

– Подожди, что?.. Отпуск?!

– Наша вечная служба утомила нас, – раздражился Блуд. – Ты прыгала по миру и не планировала заниматься колдовством всерьез, поэтому...

– Мы решили, что ты обойдешься и без нас, – продолжил Спор.

– А в детстве ты в нас не нуждалась. Твоя мать и не подпустила бы к дочери Принца Дураков. Видишь ли, мы всегда были не самым выдающимся защитником...

– Ох, правда? Ни за что бы не догадалась, – не сдержалась я. Коты презрительно сощурились. – Раз вы мой гений, то вы должны помогать мне, так?

– Должны, – неохотно признали они. – Но лишь в меру своих сил. И желаний! Ты нам не хозяйка, а мы – не слуги. Мы сторожа.

– Тогда расскажите мне, что это за пение, и я от вас отстану.

«Вот черви снаружи, вот черви внутри, танцуют на лбу у тебя до зари».

Коты нахохлились, а я выглянула в окно, вслушиваясь в чарующие слова, преисполненные грусти, которую никому не было дано понять.

– Это называется песней Эхойдун, бестолковая.

Но ответили вовсе не гримы, а Тюльпана, стоящая в арке гостиной со слоеной булочкой в руках. Я вскочила со стула, сконфузившись от ее появления: неизвестно, как долго она стояла там. Отщипнув клочок сладкого теста, она положила его себе на язык и улыбнулась, уже переодетая в ночную сорочку с длинным ажурным подолом.

«Живот твой станет зеленым совсем, и гной наружу польется как крем. На хлебец намажешь соус такой – у мертвых еды не бывает другой».

– Значит, ты тоже слышишь?

– Мерзкую песенку из сборника «Страшных историй» Элвин Шварц? Ага. – Тюльпана тщательно жевала, заставляя меня сгорать от нетерпения. – Все Верховные сейчас это слышат. Кто-то отчаянно нуждается в помощи.

– Кто? – нахмурилась я.

– Ведьма, разумеется. Юная и без ковена, которой не на кого положиться, кроме самой себя. Она попала в беду или хочет учиться... Но скорее первый вариант.

Я прислонила к колонне.

– Почему это называется песней Эхойдун?

– Ты не знаешь, кто такая Эхойдун? – уточнила Тюльпана насмешливо.

– Знаю, просто...

– Так звали Верховную Верховных, царицу ведьм, создавшую восемь даров, которыми мы сейчас имеем счастье пользоваться. Уверена, об этом ты точно слышала. Поговаривают, будто Эхойдун – это имя царицы, ставшее нарицательным. Ее магия была столь сильна, что подобный зов услышал весь мир, когда ее пленили охотники, с потомком которых ты сейчас спишь. Этим пением ведьмы зовут себе подобных, когда нуждаются в них. Иногда это случается непроизвольно, в моменты печали или опасности. Слова могут быть любыми – доносят их до тебя эмоции, а не зазубренное заклятие. Это наша природа. Мы рождаемся, живем и умираем в ковенах. Как ни крути, это ведьмовская потребность – быть частью чего-то большего.

Я внимательно слушала Тюльпану и впервые признала, что, невзирая на невыносимый характер, она мудрее, чем кажется. И ее мудрость еще может сослужить мне неплохую службу.

– Значит, эта ведьма ищет ковен? И если я приглашу ее, то она пойдет?

– Если осознает, что хочет этого, то да.

– Как узнать, где ее искать? Нельзя ведь отследить ее по одному голосу... – И, судя по тому, как уничижительно посмотрела на меня Тюльпана, я поняла, что сморозила полную чепуху. – Или можно?

– Дай руку.

Я недоверчиво скосила глаза на раскрытую ладонь Тюльпаны, на которой остались следы повидла. Заметив мою брезгливость, она закатила глаза и протянула другую.

– Я не кусаюсь, Верховная.

Надеясь, что это действительно так и Тюльпана не намерена проклясть меня, я приняла ее руку.

– Вслушайся. Пойми. Устремись следом. И постарайся разглядеть как можно больше деталей.

Я не успела спросить, что именно она имеет в виду, как Тюльпана моргнула и глаза ее побелели – остались только белки.

На меня будто набросили теплое одеяло – я почувствовала легкость в каждой клеточке тела, невесомость, которая оторвала мой дух от пола и выбросила за пределы дома. Это наполнило ослепительный калейдоскоп: я не могла шевельнуться, а все вокруг крутилось и сияло. Перед глазами словно взорвались звезды, а затем все неожиданно померкло. Мое тело все еще оставалось воздушным – должно быть, его теперь не было у меня вовсе. И я прозрела.

– Молю Тебя, Отче Небесный, не лиши меня Твоей помощи в эту ночь. Даруй мне спокойный отдых, чтобы завтра с новыми силами я могла усердно исполнять Твою волю. Благодарю Тебя, Господи, и молю: помоги мне заслужить Твою любовь, невзирая на то, что я грешное порождение зла и прелюбодеяния.

Я судорожно вздохнула и присмотрелась к девочке, стоящей на коленях перед постелью. Худая и маленькая, в старой ночной рубашке и белых носочках, она усердно молилась. На вид ей было лет тринадцать, но, заметив учебники по тригонометрии старшей школы, я с удивлением поняла, что ей как минимум пятнадцать. Короткая стрижка делала ее похожей на мальчишку, а прямая пшеничная челка падала на глаза, прикрывая узкий лоб. В комнате не было ни украшений, ни ярких цветов: лишь самая примитивная мебель. То же самое можно было сказать и об одежде: черно-белые рубашки со строгими юбками выглядывали из открытого шкафа. Я крутила головой, пытаюсь понять, где нахожусь. Потрепанная кровать, прогнувшаяся почти до пола, серые занавески и такие же серые стены. Лишь раскрытая Библия лежала на столе рядом с брошюрой «Церковь Святых последних дней».

Девочка замолчала и, взглянув на крест, висящий над постелью, шепнула «Аминь» и забралась под одеяло.

Набравшись смелости, я подкралась поближе, надеясь рассмотреть причудливую россыпь веснушек на ее лице и каре-зеленые глаза. Но вдруг девочка уставилась на меня:

– Ты привидение?

Я оглянулась на дверь, ожидая увидеть там кого-то еще, но нет – девочка действительно обращалась ко мне.

– Ты меня видишь? – растерялась я, опустив взгляд на свое тело, которое на самом деле находилось далеко в Вермонте.

– Вижу, – ответила она, натянув одеяло до подбородка. – Кто ты? Мама говорит, все это происки Дьявола, но... ты на Дьявола не похожа.

– Да, потому что я не Дьявол. Я как ты. Зови меня Одри и...

– Морган, с кем ты там разговариваешь?!

Истеричный женский визг из соседней комнаты даже меня заставил вздрогнуть. Морган засуетилась, выпрыгнув из постели и отмахиваясь от меня, как от назойливой мухи. Она

крепко зажмурилась и снова начала читать молитву, будто это могло спасти ее – не то от меня, не то от матери, которая уже начала барабанить в дверь.

– Ни с кем, матушка! Я просто молюсь перед сном!

Девочка бросила на меня робкий взгляд, и в нем была скорее мольба, чем ужас перед неизведанным. Я потянулась к ней, пытаюсь задержаться в этом странном доме еще хоть на мгновение, но в следующую секунду меня втолкнуло обратно в родное тело.

Я распахнула глаза и отскочила от Тюльпаны.

– Ну что? – спросила та. – Увидела, кого нам искать?

– Это ребенок. Но не только я ее видела. – Губы пересохли, и я схватила со стола графин с минеральной водой, жадно осушая его: после астральных проекций в горле саднило нещадно. – Она меня тоже.

– Что? Это невозможно...

– Для нее нет ничего невозможного.

Мы обе обернулись на гримов, скалящихся так злорадно, что сомнений не оставалось.

– Вы знаете куда больше, чем говорите, – поняла я, и судя по тому, как наострились их уши, это было правдой. Они были слишком злы на меня за многомесячное заточение, чтобы так просто захотеть помочь.

– Ты видела особенную ведьму, – лукаво улыбнулся Эго, виляя хвостом. – И, можешь поверить, она тебе пригодится.

– Если, конечно, тебя не опередят, – подхватил Блуд.

– Тебе нужно найти ее первой. Ведь песнь Эхоудин слышат все Верховные... – напомнил Спор.

– Поспеши, иначе будешь кусать локти до конца своих дней. Эх, если бы она родилась раньше, чем мы выбрали тебя! – фыркнул Эго, и я уже собиралась швырнуть в него печеной грушей, которую схватила с блюда, как он исчез, растаяв дымкой.

Мы с Тюльпаной остались вдвоем: я – погруженная в себя и озадаченная, она – как всегда, равнодушная, грызущая слоеную булочку.

– Сильная ведьма, – поддакнула Тюльпана, немного поразмыслив, и слизнула с пальцев повидло. – Раз она каким-то чудом видела тебя, игра однозначно стоит свеч. Чем раньше ты заберешь ее в ковен, тем лучше.

– Чем раньше *мы* ее заберем, – поправила я Тюльпану, и та закричала, подавившись булочкой. – Та ведьма, похоже, очень верит в Бога. А что твердила церковь людям на протяжении веков? Колдовство – дар Сатаны. Ее будет непросто убедить.

– Мы и не будем убеждать, – парировала Тюльпана, на удивление быстро смирившись с тем, что я решила взять ее с собой в путешествие. – Мы ее освободим. Девочка страдает, а ты можешь ее спасти. Но сначала...

Тюльпана отряхнула руки и взяла из вазы несколько маргариток. Те были такими тоненькими, что никто не обратил на них внимания.

Тюльпана покрутила маргаритки в пальцах и, поморщившись от их приторного запаха, подошла к камину.

– Седьмой – пришла светлая пора. К пыли пыль, весна за зимою, – произнесла она и бросила их в камин. – Я расстаюсь с тобою, мама, и с тем убеждением, что ты внушала мне с пеленок: я не просто достойна тебя. Я тебя превзойду.

Едва Тюльпана убрала от огня руку, как тот всколыхнулся до самой крыши. Она заслонилась от него рукой, но не отшатнулась, глядя сквозь просветы в пальцах, как пламя меняет цвет с желтого на зеленый, будто вместо цветов она кинула в него хлорофилл.

– Не может быть, – выдохнула я, ведь в последний раз видела такое десять лет назад, когда все пятьдесят ведьм собирались в этих стенах. Когда все было по правилам. Когда боги слышали нас и внимали.

Тюльпана повернулась ко мне, безмерно довольная чем-то.
– Этот год будет очень – очень! – плодотворным, – усмехнулась она. – Остара приняла нашу жертву.
Ритуал был завершен.

IV Агнец

В краю первозданной природы дневное небо напоминало клубничный зефир. Ветер дразнил ветви, и новорожденные листья смеялись, отвечая ему. Солнце плясало среди скалистых гор, в жухлой траве, а воздух пах тополиным соком и мхом. Все в этом дне было бы прекрасно, если бы...

Я не стояла по колено в болоте.

– Ты сделала это специально! – воскликнула я, пытаюсь выбраться, схватившись за смоудиновый куст.

– Вовсе нет! Просто компас чутка сбился, – насмешливо ответила Тюльпана, которая очутилась на твердой лужайке в окружении пихтовых деревьев. Она потрясла латунный компас на цепочке и постучала пальцем по стеклу, заставив стрелку неистово вращаться. – О! Все, заработало. Ты там скоро?

Я забубнила проклятия себе под нос, заползая на холм. Грязь и глина стекали по джинсам в сапоги, противно хлюпая.

Обернувшись на цветущее болото, в которое Тюльпана швырнула меня при телепортации, я потеряла ноющий лоб. Последнее, что я помнила перед скачком, – это пентаграмма, начерченная мелом посреди гостиной, десятков тростниковых свечей и моя кровь, стекающая с кончика указательного пальца. Чтобы пересечь за одну телепортацию несколько штатов и при этом не распасться на атомы, потребовалось провести полноценный ритуал. Я все еще чувствовала затылком холодный паркет, на который легла, позволяя крови шипеть от соприкосновения с меловым кругом. А затем...

– Добро пожаловать в Ривер-Хейтс, – объявила Тюльпана, когда я привела себя в порядок и мы вышли из лесопарка прямо в центр города.

Кто бы сомневался, что ее заклятие поиска приведет нас именно сюда – в город, где совершались ритуальные убийства, подобные преступлениям в Берлингтоне, о которых теперь говорили по всем телеканалам.

Мысль, что где-то поблизости может быть Ферн, рыщущая в поисках следующего новодаренного, подгоняла меня. Я огляделась, рассматривая дома: все они были маленькими и аккуратными, в один или два этажа высотой. От главной площади тянулись улицы, а магазины и кафе можно было пересчитать по пальцам. Людей здесь было мало: Ривер-Хейтс насчитывал всего несколько тысяч жителей, из-за чего город выглядел вымершим.

Проходя мимо сувенирной лавки, продавец которой храпел под шелестящим брезентом, Тюльпана стащила какую-то брошюру, а заодно и бусы из розового кварца, запихав их себе в декольте. Стрелка ее заколдованного компаса то и дело меняла направление, ведя нас к девочке из моих видений. Морган. Голос ее больше не звучал в голове, зато звучало бормотание Тюльпаны, читающей брошюру:

– «Насыщайтесь словами Христа, ибо слова Христа скажут вам все, что вы должны делать». Ты видела в ее комнате такую же? – спросила Тюльпана, и я кивнула, на что она задумчиво пролистала пару страниц. – Церковь Святых последних дней... Мормоны! Хуже и быть не может.

– Почему?

– Потому что их принимают за ветвь протестантизма, но в действительности они не что иное, как неоязыческая оккультная секта. И вот еще. – Тюльпана поскребла ногтем строчку о соблюдении целомудрия и отказе не только от алкоголя, но и от чая с кофе. – В аризонском Шорт-Крик даже практиковали многоженство и отнимали у женщин младенцев, если они

хотели развестись или выйти из секты... Их бывший лидер Уоррен Джефс имел гарем из восьмидесяти жен и наплодил восемьсот детей, пока ему не впаляли пожизненное за педофилию и изнасилования.

– Жуть. – Меня передернуло. Тюльпана рассказывала все это таким будничным тоном, будто делилась прогнозом погоды на выходные.

– Ага, – хмыкнула она бесстрастно. – Слишком много веры и слишком мало мозгов. Если семья твоей Морган такая же, уговорить ее пойти с нами будет непросто.

Я решила оставить это без комментариев. Человеческие религии не претили мне: я сталкивалась с ними чересчур редко, чтобы иметь на этот счет какое-то мнение. И все же слова Тюльпаны и заунывная песнь Морган, ее страх перед одним лишь голосом матери и уверенность, что она – чистое зло, наталкивали на определенные мысли.

– Нам нужно поторопиться, – сказала я и вздохнула с облегчением, когда мы миновали торговую улицу. – Я обещала Коулу вернуться к вечеру.

– Да куда он денется, – закатила глаза Тюльпана. Каждый раз, как я заговаривала о Коуле, она не упускала возможности изобразить рвотный спазм. – Скучать по тебе не будет точно, уж поверь. Слышала, у него там какие-то дела с Диего. У мальчиков всегда свои игрушки.

– Дело не в «скучать», а в том, что я отправилась за Морган с тобой. Эта идея никому не понравилась. Если честно, даже мне самой.

Тюльпана ухмыльнулась, ничуть не удивленная. Она снова глянула на компас и замерла перед зданием старшей школы Ривер-Хейтс. Школьники бродили компаниями, сплетничали или завтракали, рассевшись на траве, а на стоянке припарковалось несколько полицейских машин. Я толкнула Тюльпану в бок, кивая на них. Присутствие полиции могло осложнить дело, если что-то пойдет не так.

– Это из-за Ферн, – прошептала я. – Представляю, как потрясли убийства такой маленький городок, где обычно никогда ничего не происходит.

– Забудь о Ферн. Девчонка где-то здесь, – задумчиво промышчала Тюльпана и щелкнула компасом, выпустив его из рук и позволив повиснуть на шее, как украшение. – Ищи ее. Только ты знаешь, как она выглядит.

И я действительно знала, только вот воспоминания о нашей встрече были астральными, а значит, тусклыми. Они начали таять уже спустя пару часов, словно туман. Я напряглась, рисуя в голове воображаемый портрет, и начала оглядывать людей вокруг.

Пшеничные волосы, короткие, как у мальчишки, прямая челка. Светло-ореховые глаза с зелеными прожилками. Низенькая, тоненькая, как неокрепший бамбуковый росток...

Где же она?

Я расстегнула пальто, взмокнув в слоях одежды: в Юте в это время года было гораздо жарче, чем в Вермонте. Тюльпана молча следовала за мной и иногда сверялась с компасом, стрелка которого крутилась то вправо, то влево. Мой взгляд скользнул по пробковому стенду для объявлений, выставленному на всеобщее обозрение перед крыльцом. «Фотоконкурс Ривер-Хейтс. Пятница, два часа дня» – гласила пестрая глянцева листовка. Сегодня как раз пятница... И без пяти два.

Я не знала Морган. Ее чувства, мечты, устремления... Но я словно понимала ее. Одной встречи хватило, чтобы установить между нами неразрывную связь, отчего ее пение вновь разлилось по округе, став еще отчетливее, еще тоскливее. Но на этот раз песня была другой.

«Я знаю, почему птицы в клетке поют. Это все, что приносит им радость. Ведь их в небо никогда не возьмут и не подарят свободы сладость».

Я накрыла рукой компас Тюльпаны, заставляя убрать его – в нем больше не было нужды. Позволяя голосу вести меня, я обошла территорию школы и оказалась там, где лес, расступаясь, обнимал пустое футбольное поле. Рядом со стадионом на земле сидела миниатюрная фигурка в легкой ветровке, из-под которой выглядывало трикотажное выцветшее платье.

Морган.

При виде нее в голове у меня пронеслась сотня мыслей, и каждая пыталась привлечь мое внимание. Как к ней подступиться? Как объяснить? Как рассказать, кто она и почему ей стоит пойти со мной? Как не подвести ни ее, ни свой ковен?

Но раньше чем я успела найти ответы на эти вопросы и решила выйти к ней, Морган вдруг всхлипнула... И зарыдала навзрыд. Она плакала все это время, только беззвучно, пока отчаяние не перелилось через край. Грязные, почерневшие пальцы судорожно перебирали что-то в земле, а лицо было мокрым от слез.

В сторону школы прочь от стадиона брела шумная компания подростков ненамного взрослее Морган. Они громко переговаривались, обсуждая какую-то «прилипалу» и фотографии могильных плит с христианскими крестами, которые, по их мнению, «уж точно не могли занять первое место на конкурсе». Рослые парни в фирменных бомберах перебрасывали друг другу футбольный мяч, а девочки в коротких юбках продолжали щебетать и смеяться. Я не раз видела подобные сцены в молодежных сериалах, поэтому знала, что им предшествовало.

– После такого она точно перестанет таскаться за нами, – рассмеялся самый широкоплечий из компании, задирая подбородок так высоко, что я удивилась, как он не спотыкается, когда ходит.

– Ты вообще видел ее снимки? Считай, мы спасли ее от позора! Если бы другие увидели, неделю бы смеялись. А мы решили все быстро... У бедняжки ведь христианство головного мозга, – прыснула от смеха хорошенькая темноволосая школьница, повиснув на плече здоровяка. В ее руке щелкала бензиновая зажигалка. – Правильно, что родители запрещают ей заниматься фотографией. Пусть лучше в хоре поет!

Компания прошествовала мимо, оставив после себя шлейф дешевого одеколona и вишневой колы, и внутри у меня все заклокотало от гнева. Почему мы не пришли сюда на пять минут раньше?!

– Ненавижу засранцев, повышающих самооценку за чужой счет, – произнесла Тюльпана холодно, привалившись к сетке забора. – Хм, странно, что они не убежали отсюда с горящими задницами. Ни одна ведьма не стерпит такое обращение...

Вокруг действительно стояла тишина, а так не должно быть там, где плачет разъяренная ведьма. Ветер лениво раскачивал деревья, а земля не дрожала и не извергала лаву. Подростки смеялись где-то вдалеке, вовсе не проклятые. Никакой стихийной магии и неконтролируемого колдовства – действительно просто девочка, воспитанная в смирении и покаянии, а потому беспомощная перед жестоким обществом. Идеальная жертва для чужих насмешек.

– Что еще?! У меня больше нет фотографий, которые можно было бы сжечь! – воскликнула Морган, не разглядев сквозь пелену слез, кто подошел к ней.

Ее ладони покрывал пепел, забившись под ногти: она тушила догорающие снимки голыми руками, пытаясь спасти хоть что-то. Но не осталось ровным счетом ничего: только картонные корочки, изуродованные прожорливым огнем. Где-то угадывались черты животных, пастельные цвета, какие-то фигуры... И все.

– Давай я помогу.

Я присела рядом с Морган на корточки и протянула руку, чтобы сгрести бумажную стружку. Стоило ей увидеть, как переливается в солнечных лучах мой золотой браслет с гримами, она отшатнулась, очевидно, узнав его раньше, чем меня саму. Решив не давать ей время, чтобы опомниться и сбежать в ужасе, я взвесила в руках закопченные ошметки. Что же, попытка не пытка.

– *Adennill.*

Словно цветочные бутоны, клочки фотографий начали распускаться, расти и срастаться воедино. Морган затаила дыхание, и на какой-то миг ее страх ушел, уступив место любопытству. Она пододвинулась ближе, перепачкав черные гольфы.

– Красивые снимки, – искренне похвалила я, отряхнув их от грязи, вновь целые и блестящие, будто только-только распечатанные на принтере. – Ого... Как ты умудрилась снять оленя с такого близкого расстояния?

Я обвела пальцем морду пятнистого зверя, который слизывал янтарный мед с ладони, явно принадлежавшей Морган. Это было невероятное зрелище, как и следующий кадр, на котором в зарослях мха нежилась огненная лисица, повернувшись брюхом к солнцу и смотря прямо в объектив.

– Я люблю животных, – робко ответила Морган, забрав у меня фотографии, когда я дошла до той, где была запечатлена статуя ангела на местном кладбище: плотный туман обнимал ее за плечи, укутав в плащ. – А они любят меня.

– Еще ты любишь фотографировать надгробия...

– Не конкретно их, а все места, где можно почувствовать дыхание Бога. Это и церковь, и роддом, и кладбище... – Морган запнулась, поняв, что позволила себе слишком увлечься разговором со мной. – Как вы это сделали – вернули мне фотографии?

– Легко. Немного практики, и ты тоже так сможешь.

Морган сощурилась в недоверии:

– Я вас помню... Значит, это был все-таки не сон.

– Да, не сон. Я приходила к тебе... бесплотным духом.

– Бесплотный дух? – переспросила Морган и, кажется, немного успокоилась. Ее пальцы дергали цепочку с оловянным крестиком, вынырнувшим из-под ворота платья. – Так вот что вы такое? Неуспокоившаяся душа...

Я рассмеялась и глянула на заметно повеселевшую Тюльпану, которая осталась стоять в стороне (за что я была ей премного благодарна).

– Ох, вовсе нет! Я... нечто другое. Давай начнем с чего-нибудь попроще. Меня зовут Одри. А тебя?

– Морган Гудвилл.

– Морган... – просмаковала я, выпрямляясь и разминая затекшие от сидения ноги. – У тебя очень красивое имя.

– Родители что, хотели мальчика? – хмыкнула Тюльпана, решившись подойти и вмешаться в нашу беседу как никогда вовремя.

Морган вздрогнула: похоже, до этого момента она даже не замечала ее.

– Да, но... Они работали в приюте, и однажды в их смену на порог принесли меня.

– Так тебя удочерили? – удивилась я.

Морган кивнула.

– Хм. – Становилось все интереснее, и я склонила голову набок, разглядывая веснушчатое лицо девочки. – Знаешь, на валлийском твое имя означает «морская». Производное от имени феи Морганы или богини Морриган. По легендам, они обе были выдающимися ведьмами...

– Ведьмами? – подскочила Морган, взирая на меня снизу вверх. – Вы хотите сказать, что я... Ох нет, нет...

Морган обошла нас с Тюльпаной и прижала к губам крестик, что-то шепча. Я услышала отголоски молитвы, и она заглушила мои мысли, как и те ее жуткие песенки. Близость к ней прибавляла зову громкости, как в проигрывателе, и эмоции Морган обрушились на меня волнами – отрицание, страх, стыд.

– Зря ты это, – сказала мне Тюльпана с какой-то усмешкой, но я отмахнулась от нее, думая, как все исправить.

– Морган, я не это имела в виду. Послушай...

– Мне нельзя... – выдавила она жалобно, совсем не слушая. Кончик носа у нее покраснелся от слез, а губы предательски дрожали, будто она собиралась расплакаться снова. – Я не хочу быть злом... Не хочу... И не буду! Оставьте меня в покое!

Верхушки деревьев затрещали, а в следующую секунду в небе поднялось черное облако. Прежде чем я сообразила, что это такое, Тюльпана уже выкрикнула заклятие и выставила над нашими головами барьер, закрывая от острых когтей и дубовых клювов, готовых колоть и разрывать. Стая ворон была такой большой, что затмила собой солнце. Мир поглотила тьма, пока дикие птицы остервенело нападали на нас, пробивая даже мощнейшие чары и сбивая с ног.

– Морган!

Я упала на землю, слыша треск ткани: вороны принялись рвать одежду, чтобы добраться до плоти. От неистового хлопанья крыльев и пронзительного карканья закладывало уши. Я не могла открыть глаза, боясь, что их выцарапают. К счастью, все кончилось так же внезапно, как и началось.

Я медленно отняла руки от лица и робко осмотрелась, убеждаясь, что стая оставила нас. Птицы разлетелись, и мы снова могли наслаждаться солнцем и свежим воздухом. Лишь черные перья летали повсюду как доказательство того, что все было взаправду. Морган исчезла, и я заметила маленькие следы от сапог на сырой земле: похоже, она неслась от нас со всех ног, пока птицы защищали ее.

– Она любит животных, – истерично усмехнулась Тюльпана, принявшись распутывать гнездо из спутанных волос на своей голове; пальцы у нее предательски тряслись. – А животные любят ее.

Я сглотнула, садясь на футбольную скамейку, чтобы перевести дух. Сердце стучало где-то в горле, и мне потребовалась пара минут в тишине, чтобы прийти в себя.

– Думаешь, она это специально сделала? – спросила я, на что Тюльпана лишь фыркнула, снимая и выбрасывая в мусорное ведро свою кожаную куртку, от которой остались одни лоскуты. Видимо, заклятие восстановления было ниже ее достоинства. – Это выглядело как...

– Призыв чумной стаи, – поддакнула Тюльпана с непривычной для нее серьезностью. – Подобное заклятие есть в гримуаре каждого ковена. Не думаю, что какая-то малолетняя ведьма владеет подобной магией. Наверняка обычный выброс энергии. По крайней мере, теперь я верю, что мы и впрямь приперлись сюда не зря.

Я прикусила внутреннюю сторону щеки и вернулась в реальность, лишь когда почувствовала железистый привкус во рту.

– Тогда ее тем более надо найти. Представь, если она с теми подростками сотворит такое... Ей точно житья не будет. Надеюсь, твой компас уцелел?

Тюльпана поднесла его к глазам. Золотая цепочка болталась, порванная жестокими птицами, но сам компас был в порядке.

– Да, я знаю, где она, – обрадовала она меня, примерившись к стрелке. – Вот только не уверена, что тебе удастся ее уболтать... По-моему, у этой девчонки не все дома. Вон как от ее одного слова «ведьма» плющит!

Я не разделяла веселости Тюльпаны, поэтому молча поправила одежду и двинулась по следам Морган, обходя школу.

– Вот что привело Ферн в Юту, – поняла я, не сбавляя шаг. – Не новоодаренные... Они лишь приятный бонус. Она пришла за Морган, я уверена. У нас есть шанс ее обогнать!

– И главное, не встретить, – верно подметила Тюльпана. Я бы решила, что она боится, если бы не знала, как ей плевать на всех вокруг. – Надо двигаться в темпе вальса. Угоним тачку!

Я замерла посреди парковки, опасливо косясь на копов, прогуливающих со стаканчиками кофе вдоль школьного тротуара. Хоть они и были заняты обеспечением безопасности учеников, но сложно было не заметить двух рослых девиц, вскрывающих чужую машину.

– Ой, да никто не смотрит! – воскликнула Тюльпана, выбрав, как назло, ярко-желтый «жук» и щелкнув пальцами, чтобы снять сигнализацию. – Не распускай сопли и садись.

Выбора не оставалось. Боясь, что из-за моего промедления нас поймают, я прыгнула внутрь.

– Далеко ехать? – спросила я, прилипнув к зеркалу заднего вида, чтобы увидеть, если за нами пустят погоню с мигалками.

Тюльпана достала откуда-то клубничный блеск для губ и принялась наводить марафет, не отрываясь от дороги.

– М-м, нет, минут десять всего. Здесь до любого места рукой подать. Городок-то совсем сельский.

– Тогда могли бы и пешком пройтись, – проворчала я, глядя в окно на калейдоскоп уютных фанерных домиков, большинство из которых были фермерскими угодьями.

– Нет, не могли.

Я бросила на Тюльпану вопросительный взгляд. Она закрыла колпачок блеска и сверилась с компасом, а затем вдруг вывернула руль влево, увозя машину с дороги.

Я, подпрыгнув, едва не откусила себе язык, и прелестный «жук» улетел в кювет. Все случилось так быстро, что я успела лишь вцепиться в кожаную обивку сидений. Из капота, который встретился с рослым дубом, повалил сноп искр. От толчка меня швырнуло в лобовое стекло, но, чудом не вылетев из машины, я только со всего размаху приложила лбом о бардачок.

– Ты больная?! – вскричала я, когда звон в голове утих.

Голова будто раздулась, превратившись в воздушный шар, который вот-вот лопнет. Боль растекалась жидким свинцом, и я пощупала явно разбитую левую бровь. Пальцы тут же слиплись, сделавшись мокрыми и красными.

– Ты нас чуть не угробила!

– «Чуть» не считается, – улыбнулась Тюльпана. Очевидно, мой побитый вид приносил ей наслаждение. В отличие от меня она осталась совершенно невредимой: поперек ее груди тянулся ремень безопасности, который она предусмотрительно застегнула так, чтобы я этого не заметила.

Машина дымилась, превратившись в металлолом. Я проверила ушибленные конечности – не потерялось ли чего? Кровь капала на джинсы, и Тюльпана заботливо протянула мне бумажный платок.

– В задницу его себе засунь! – ругнулась я, оттолкнув ее руку. – Зачем ты это сделала?!

Тюльпана устало вздохнула и швырнула платок мне в лицо.

– Ты должна выглядеть жалко.

– Что ты несешь?

– Мы идем в гости.

Я уставилась на Тюльпану, ничего не понимая. Зато ясно было одно: с залитым кровью лицом я и впрямь выглядела не очень. Переступив свою гордость, я взяла чертов платок и быстро вытерлась им. Из желто-кремового он вмиг сделался алым.

Пошатываясь, я вылезла из машины и упала бы плашмя, если бы не Тюльпана, подоспевшая вовремя. Я раздраженно стряхнула с себя ее руку.

Кроме нас, на дороге никого не было. Скромные, гостеприимно светящиеся в зарождающемся сумраке дома будто звали нас войти. Не оборачиваясь, Тюльпана устремилась к одному из них, самому маленькому и обветшалому. Дождавшись, когда я поднимусь на крыльцо, она постучалась.

– Извините, мисс, не могли бы вы помочь нам? Мы попали в аварию...

Из-за приоткрытой двери выглянуло сухое лицо женщины: тонкая, как пергамент, кожа туго обтягивала череп, не позволяя ей хмуриться или улыбаться. Темные русые волосы, посеребренные старостью, были заколоты на макушке, а крупный нос смотрелся на лице непро-

порционально, как и слишком маленькие бусинки карих глаз. Ее лицо оставалось почти неподвижным, даже когда она говорила, вытирая руки о серый фартук:

– Да, разумеется. Входите.

Голос показался мне смутно знакомым. Я удивленно взглянула на Тюльпану, но та, рассыпаясь в благодарностях, уже заперхнула внутрь дома. Мозаика в моей голове начала складываться.

– Кто это, Агата?

В коридор вышел грузный мужчина, на три головы выше женщины. Густая растительность на его лице выглядела небрежно, но одет он был весьма чисто, хоть и невзрачно.

– Две юные леди попали в беду, – ответила ему Агата, обводя нас рукой. – В гостиной есть телефон. Ох, ну и видок у вас! Вы можете воспользоваться ванной, там в шкафу аптечка. Виктор, вызови доктора Тренора.

– Нет, не утруждайтесь! – выпалила Тюльпана, вставая между мужчиной и проемом гостиной. – Моей подруге здорово досталось, но мы обе целы, уверяю. Нам бы только в автомастерскую позвонить. У вас есть справочник? Не подскажете заодно какие-нибудь отели в городе?

– Боюсь, у нас всего один отель на весь Ривер-Хейтс, и тот закрыли после недавнего убийства, – пробормотал Виктор, скептически оглядывая меня.

– А что там случилось?

– Точно не знаю, но убили одну из наших знакомых. Молодую аптекаршу...

– Нечего было шастать с чужими мужьями! – вставила Агата. – Судьба блудниц всегда незавидна.

Отголоски их беседы доносились до меня обрывками. Голова все еще гудела, и я сосредоточилась на обстановке, решив, что Тюльпана справится и без меня. Дом был обставлен скудно и, похоже, не знал ремонта несколько десятилетий. Кроме самого необходимого, здесь не было ни телевизора с радио, ни одного интерьерного украшения или предмета роскоши – только белые стены, как в больнице.

Мой взгляд приковало к себе охотничье ружье, висящее над камином возле прибитого распятия.

– Право, Виктор! – воскликнула Агата, как только Тюльпана завершила свой монолог о том, что нам негде остановиться на ночь. – Пастырь не простит нам, если мы откажем несчастным девочкам в помощи. Оставайтесь на ужин, раз такое дело, а потом муж проведет вас до церкви. Там вам предоставят ночлег и, возможно, даже помогут договориться с автомехаником о ремонте в половину стоимости.

– Это было бы чудесно, миссис Гудвилл! – захлопала в ладоши Тюльпана, откладывая телефонный справочник, будто и впрямь была окрылена этой новостью. – В Ривер-Хейтс живут такие хорошие люди!

Женщина снисходительно улыбнулась и вдруг посмотрела на меня.

– Зовите меня просто Агатой. А вы, кстати...

– Сара, – улыбнулась Тюльпана. – А мою подругу зовут Кристина. Может, ты скажешь что-нибудь наконец, Крис?

Тюльпана многозначительно подмигнула мне, повернувшись к Агате и Виктору спиной. Только тогда я заметила, что глаза у Тюльпаны голубые – их неестественный фиолетовый цвет мог напугать кого угодно из смертных. Перестраховаться было очень предусмотрительно.

– Да-да, спасибо вам огромное, миссис... То есть Агата, – встрепелась я. – Простите за мое поведение, кажется, я сильно ударила головой.

– Бедняжка, – цокнула языком женщина. – Тогда вам точно нужно в ванну. Первая комната наверху. А я пока накрою на стол. Если вам что-то понадобится или вдруг станет плохо, только крикните.

Я кивнула и поспешила подняться наверх, чувствуя затылком пристальный взгляд Тюльпаны. Я знала, чего она ждет от меня, хотя до последнего не верила, что хоть одна ведьма может быть настолько дальновидной и хитрой. Впрочем, меньшего ждать от дочери Авроры и не стоило.

Напроситься на ужин в дом к семье Морган – это же гениально!

Убедившись, что все трое остались болтать внизу, я прошла мимо ванной и последовала дальше по коридору. Комнат было всего две, и везде стояла мертвая тишина – никаких признаков присутствия Морган. Побоявшись, что меня хватятся, я решила отложить исследование дома и вернулась к двери в ванную. Ощущение чего-то липкого в волосах не давало мне покоя, мешая концентрироваться на деле.

Из зеркала на меня смотрела какая-то побитая бродяжка. Поперек брови тянулся широкий порез с растекшейся вокруг гематомой. Я хорошенько промыла его, шипя от боли, а затем обработала антисептиком и заклеила стягивающим пластырем.

Когда одна моя нога уже стояла на лестнице, во входную дверь постучали.

– Это, наверное, наша дочь! Почему так долго, Морган?! Ты ведь говорила, что уроки отменили из-за какой-то там выставки и тебе надо просто отнести домашнее задание.

То, как она произносила ее имя, не оставило сомнений – именно Агату я слышала в тот раз. Ночью Агата звучала так же истерично, надрывно и... раздраженно. Кажется, по-другому она просто не умела говорить с Морган.

Собравшись с духом, я спустилась в холл и остановилась напротив девочки. Похоже, она так бежала, что ее юбка перекрутилась. Увидев меня, Морган беспомощно икнула, парализованная животным ужасом.

– Чего встала? – напустилась на нее Агата, когда я уже подумала, что Морган вот-вот развернется и помчится прочь. – Закрой дверь! Не видишь, у нас гости.

Девочка потупилась и молча повесила ветровку на вешалку.

– Здравствуйте.

– Иди на кухню, – приказала Агата, едва я успела открыть рот, чтобы поздороваться в ответ. – Достань посуду.

Морган незамедлительно послушалась, а я прошла в гостиную, где стоял большой деревянный стол.

– У вас очень милая дочь, – улыбнулась я, но Агата отмахнулась, помогая Морган постелить скатерть и расставить тарелки. У девочки дрожали руки, и несколько раз она выронила столовые приборы, отчего отец, сидящий в кресле, многозначительно стучал ногой по полу.

– Да, вот несносная. Плата за наши с Виктором грехи, не иначе.

Я сдержала остроту, рвущуюся с языка, и сжала пальцы так, что побелели костяшки. Тюльпана сидела, наблюдая за нами. В глубине ее глаз плясало веселье. Так же выглядела Аврора, наблюдая за трупной актерами на сцене театра, когда заставляла их играть мюзикл для нее одной.

Морган заняла место в конце стола, как можно дальше от меня и Тюльпаны. Почти прижимаясь к плечу Виктора, она пялилась в тарелку, не моргая, будто один лишь взгляд на меня мог ее убить.

– Что же, садимся! Вы наверняка голодны.

Агата поставила на стол две глубокие миски – одну с печеным картофелем, а другую с жилистыми стейками из свинины, обваленными в сухарях.

– Чем богаты, – развел руками Виктор, заметив мое недоумение, ведь, кроме этого, на столе больше ничего не было; только кувшин с водой. – Картофель мы выращиваем сами на заднем дворе, а сэкономленные деньги жертвуем в приход. Сиротам и обездоленным они нужнее, чем нам. У нас и так есть все, что нужно для жизни.

Я вымученно улыбнулась, но не успела ответить. За меня это сделала Тюльпана, вскинув руки:

– У вас такое большое сердце! Бог видит это. Однажды всем нам воздастся по заслугам. Ах, если бы все люди были подобны вам...

Я смотрела на нее, пытаюсь понять, чего она добивается. Никто из присутствующих не усомнился бы в том, что Тюльпана говорит искренне: с таким восторгом она щебетала. Актерство Тюльпаны было не просто талантом, а божественным даром. Я едва не заплодировала ей.

Виктор и Агата засветились от услышанного, но быстро взяли себя в руки, не позволив проявиться гордыне.

– Морган, а у тебя что с аппетитом? – нахмурился Виктор, отчего девочка вздрогнула и схватилась за вилку. Она так усердно пыталась слиться с мебелью, что пропустила момент, когда Тюльпана слопала пятаю по счету картофелину. – Ты отнесла учителю свой проект?

– Да, папа.

– И что он сказал?

– Ему понравилось, но оценки выставят только в понедельник.

Виктор сдержанно кивнул. Морган запикивала в рот маленькие кусочки еды, выглядя совершенно несчастной, но я никак не могла понять: она всегда такая или это из-за меня? Неужели она боится, что я все расскажу ее родителям? Или действительно верит, что к ней прибыла посланница Сатаны?

– Ваша дочь очень хорошо фотографирует, – сказала я, решив, что пора устанавливать с Морган контакт.

Но то, как резко она вскинула голову и вытаращила на меня глаза, подсказало мне, что я упустила эту возможность безвозвратно. Агата подавилась свиным стейком, и Виктору пришлось постучать ей по спине.

– Фотографирует? – переспросила она. – Ах, та выставка... Вот куда ты на самом деле ходила!

– Мама, нет, я не...

– Мы ведь запретили! – Виктор ударил по столу сжатым кулаком. – Это не хобби, а не пойми что! Шататься по лесу, кладбищам и еще невесть где... Ты ходишь в книжный клуб и на хоровое пение – этого мало? Откуда ты вообще взяла фотоаппарат?!

– Одноклассник одолжил, – залепетала Морган, подобрившись.

– Не ври мне! Мы ведь уже проходили это. Хочешь, чтобы я снова обыскал твою комнату? Будь уверена, я найду все, что ты прячешь, – прошипел Виктор, и от моего внимания не ускользнуло, как Агата толкнула его под столом, успокаивая.

– Давай не при гостях. Ступай к себе в комнату, Морган.

Кажется, Морган обрадовалась материнскому приказу – быть запертой в спальне ей было комфортнее, чем давиться пресным картофелем и терпеть меня, сделавшую ее жизнь еще невыносимее. Я зарделась до корней волос, сжигаемая виной.

– Прошу прощения, – произнес Виктор, когда Морган ушла. Ему пришлось вытереть салфеткой бороду: он так орал, что забрызгал себя слюной. – Иногда с детьми непросто. Они думают, что знают все лучше всех... Может, хотите молока?

– Не откажусь, – улыбнулась Тюльпана как ни в чем не бывало, и застолье продолжилось.

Я отсчитывала минуты до его окончания, пытаюсь придумать план действий. Тюльпана провела нас внутрь – остальное было за мной. Поговорить, убедить, увести. Казалось бы, все просто, но...

– Ах!

Лоб опалило жаром, и я прижала к нему руку. Меня будто что-то укололо в голову, и, заметив ехидный оскал Тюльпаны, я быстро поняла, что именно. Одно маленькое озорное

заклятие, и рана под пластырем открылась. Я почувствовала жар, бегущий по лицу, и вскоре кровь закапала мне в тарелку.

– Видимо, без швов не обойтись, – встревожился Виктор. – Дочь помогала нам в приюте этим летом, была медсестрой для детей. Она может зашить, если вы не хотите ехать в больницу. Идите к ней. Вторая дверь слева.

Вот он, шанс!

Я мысленно похвалила Тюльпану и, прижав ко лбу кухонное полотенце, быстро поднялась по скрипучей лестнице. Снаружи пела музыка ветра – тончайший перезвон колокольчиков, висящих под навесом крыльца. За окнами, кажется, разыгралась непогода. Полуголые ветви деревьев колотили по окнам.

Дойдя до нужной двери, я тихонько постучалась, а затем медленно повернула ручку. Под ней виднелась замочная скважина, забитая гвоздем, чтобы Морган не могла запереться. Девочка сидела у окна с книжкой на коленях, которую я тут же узнала по песне, зазвучавшей в ушах:

«Пропуская катафалк вперед, подумай, не завтра ли твой черед».

– Морган, – позвала я, и она вскочила, захлопывая сборник страшных историй, который тут же спрятала под постель.

– Что вам нужно?

Я помедлила, изучая спальню – точь-в-точь такая, какой я помнила ее с прошлой ночи. Старая кровать, платяной шкаф, тумба со стопкой тетрадей... И ощущение бездушной пустоты.

– Твой отец сказал, ты можешь мне помочь. – Я отняла полотенце ото лба: пластырь уже пропитался кровью, но она остановилась, стоило мне отойти от Тюльпаны на безопасное расстояние.

Морган нахмурилась, недоверчиво оглядывая меня. Она походила на того лесного олененка, которого фотографировала, – прыткая, маленькая и пугливая. Сделаешь одно лишнее движение – и сбежит без оглядки.

– Да, конечно, – неожиданно согласилась она, открывая шкаф. – Присаживайтесь.

Я плотно закрыла дверь. Шаткий стул, прислоненный к подоконнику, чуть не надломился под моим весом.

Морган разложила на столе какие-то металлические скобы, нитки и пузырек со спиртовым раствором. Пока она возилась с этим, прежде заглянув под мой пластырь и теперь решая, что делать с раной, я молчала, позволяя ей привыкнуть ко мне.

– Простите меня.

– За что? – не поняла я. – Зашивать рану так больно?..

– Нет-нет, я не о том! Я о тех птицах. – Она принялась нервно растирать запястья, и я увидела странные плоские шрамы, покрывающие ее кожу до сгибов локтей. Но Морган быстро одернула рукава и указала на мою рассеченную бровь: – Это они сделали?

– Нет, не они, – поспешила утешить ее я, и Морган облегченно вздохнула.

– Я все равно не хотела, чтобы те птицы причиняли вам вред. Обычно прилетает всего пара штук, просто отвлечь внимание, когда Томми с Ребеккой донимают...

– Подожди, ты позвала их осознанно? – ахнула я. Ведь ведьма вне ковена, какой бы сильной она ни была, не способна использовать такую магию намеренно, никогда ей не обучаясь. Поэтому следом у меня вырвалось: – Как у тебя это получилось?

– Наверное, ребята сильно разозлили меня, когда сожгли фотографии, – пробормотала Морган сконфуженно, сделав вид, что увлечена разводами на оконном стекле. – Я едва сдержалась, чтобы не сорваться на них, а потом появились вы, и весь этот разговор...

– И давно ты умеешь призывать птиц?

– О. – Морган на миг просияла от моего вопроса и застенчиво улыбнулась. – Я на самом деле много чего умею.

– Например?

Морган села на кровать, крепко задумавшись.

– Ну... Иногда мне снятся вещие сны, а порой я притягиваю к себе предмет силой мысли, если не могу до него дотянуться. Как книги на верхней полке в библиотеке. – Она хихикнула, видимо, вспомнив какой-то забавный случай. – А месяц назад я поняла, что слышу...

– Что слышишь?

– Мысли одноклассников. Как они смеются надо мной, хотя их губы не двигаются... А однажды я фантазировала, какого это – быть самой популярной девочкой в классе, то есть Ребеккой. Подошла к зеркалу и увидела вместо себя ее. Это длилось всего несколько секунд, но... Мне точно не померещилось! Звучит безумно, знаю, но и это еще не все. Неделю назад я видела на кладбище мистера Джонсона, хотя он умер этой осенью от инфаркта.

Морган выпаливала все как на духу – видимо, она впервые в жизни открылась кому-то, а на душе у нее накопилось много всего. Я внимательно слушала ее, кивая головой, и не знала, как умерить свое сердцебиение.

– Что насчет стихий? – Я откинулась на спинку стула и завела назад руки, принявшись загибать пальцы. – Ты когда-нибудь поджигала что-нибудь? Или, допустим, меняла направление ручья?..

Морган смутилась и мялась почти с минуту, раздумывая, рассказывать мне или нет.

– Однажды в школе случился пожар. Загорелся кабинет директора и... Никто не знает, что это была я. Меня тогда вызвали и оставили наедине с телефоном, чтобы я поговорила с родителями. Они сказали, что умер дедушка. Только он понимал меня. И я почему-то так разозлилась... Из-за того, что дедушка бросил меня одну с ними.

Я загнула еще палец – шестой, – и тело захлестнула волна мурашек.

Стихии, метаморфоз, психокинез, ментальность, прорицание, некромантия. Шесть даров из восьми.

Как это возможно?

– Ты никогда не находила какую-нибудь... книгу со странными текстами? – осторожно спросила я, и Морган затрясла головой. – Тогда как ты поняла, что можешь делать все это?

– Не знаю. Само собой получилось. Со временем я приоровилась контролировать это... более-менее. Зато теперь могу общаться с дедушкой у его могильной плиты, если меня снова накажут дома или обидят в школе. А еще я умею вот так.

Морган встала и в два шага очутилась возле меня. Ее крошечная ладонь легла мне на лоб, и по вискам разлилось тепло. Тепло это было шелковым, убаюкивающим, будто меня обернули в покрывало. Оно избавило меня от головной боли.

Когда я провела пальцами по брови, ища шероховатость пореза, то ничего не нашла.

Исцеление.

Я загнула седьмой палец.

– Ты та, кого я искала, Морган.

Она улыбнулась, но быстро помрачнела вновь.

– Вы сказали, что я... ведьма, – выдавила Морган с трудом, отступив. – Но разве ведьмы не зло?

Брови у меня взлетели вверх – как хорошо, что она залечила мне лицо, иначе это изумление аукнулось бы адской болью! Перестав сдерживаться, я фыркнула, забарабанив пальцами по стулу.

– Все нет! Ведьмы не имеют ничего общего с дьяволом. Люди всегда боятся того, чего не понимают, вот и напридумывали небылицы, чтобы оправдать собственные зверства. Ими

всегда руководили зависть и страх. Магия – врожденная способность, и никто не заключает никаких сделок в обмен на нее.

– Значит, вы тоже ведьма? И умеете то же самое, что умею я?

– Да, верно.

– Все ведьмы умеют? – уточнила она, и я закусила губу.

– Нет, далеко не все. Единицы. Но ты можешь гораздо больше, и я способна научить тебя этому, если захочешь.

Морган запнулась и ответила так тихо, что я едва расслышала:

– Церковь... То есть родители говорят, что я не должна пользоваться этими дарами. Что я должна молиться и они уйдут. Это дьявольское искушение, которое надо пройти, чтобы не попасть в ад.

– Подожди... Они знают?

– Угу. – Морган села обратно и сжала острые коленки, пытаясь сдержать сотрясающую ее дрожь. – Не обо всем, но... Как-то раз я случайно ответила на вопрос мамы, который она не задавала вслух. С тех пор родители изменились.

– Они когда-нибудь били тебя?

Пальцы Морган невольно забрались под рукава кофты, скрывающие испещренные шрамами запястья.

– Я это заслужила.

– Морган...

Она смутилась и посмотрела меня, колеблясь, можно ли мне доверять. Очевидно, черта была пройдена, и, поняв, что поворачивать назад уже поздно, Морган встала и отодвинула шкаф.

За ним, прямо в стене, была выбита широкая выемка, а в ней – пленочный фотоаппарат и сундучок со снимками, которые Морган тут же вручила мне, по-детски хвастаясь. Она тянулась к теплу, как цветок к солнцу, ластилась к каждому, кто проявлял к ней внимание. В ней было столько невысказанной любви, что я не могла отказать ей и не восхититься ее работами, когда она принялась перебирать их.

– Вот, посмотрите. Это мой одноклассник, который подарил мне свой старый фотоаппарат. Родители не знают, но он очень милый...

На одной из карточек улыбался мальчик, держа в руках коробку с пищей. Затем Морган перешла к другим снимкам – местное кафе, церковь, лес, снова церковь... Она могла бы рассказать мне о каждом из них, но за дверью раздался шаг.

Я захлопнула сундучок и схватила побледневшую Морган за руку.

– Хочешь больше не прятать фотографии? – спросила я шепотом. – Вообще не прятаться! Быть собой. Не бояться ни родителей, ни одноклассников.

– Я не знаю...

– Пойдем со мной. Прошу тебя.

– Что? Бросить родителей? – Из ее горла вырвался предательский всхлип, напоминая мне, что она еще ребенок, сломленный и боязливый. – Мне ведь всего пятнадцать! Я не могу уйти из дома. А как же школа? Экзамены? Мама с папой? Я...

– Ты сможешь в любой момент вернуться, как только тебе надоест, – пообещала я. – Я Верховная ведьма. Это значит, что я главная в нашей колдовской семье. Ты будешь под моим присмотром. Я обучу тебя не только магии, но и истории, даже тригонометрии, если захочешь. Ведьмы часто учатся на дому. Считай, это... закрытая школа! Я познакомлю тебя с такими же, как ты, научу пользоваться дарами. К тому же в этом городе небезопасно. Эти убийства...

– Связаны со мной? – испугалась Морган, прикрыв ладонью рот.

– Возможно. Убийца... не совсем обычный человек. Он коллекционирует магию. Лучше тебе держаться подальше от этого места.

Морган замялась, и шаги за дверью стихли: кто-то хлопнул дверью в ванную и спустился обратно вниз.

– Я не уверена, что вообще хочу быть ведьмой, – прошептала она, отходя к постели и нащупывая крестик на шее, как я каждый раз искала свои жемчужины. – В Писаниях сказано, что колдовство есть грех. «Ворожеи не оставляй в живых». Разве те, кто его практикует, не идут против Бога? Разве он не откажется от меня, если я соглашусь? Разве я... не противна ему?

Я пододвинула стул ближе к Морган и, оказавшись к ней вплотную, взяла за руку. Ресницы у нее были до того длинные, что ложились на щеки, когда она смотрела вниз.

– Мама учила меня иначе, – начала я. – Не все ведьмы верят в Бога, но мама верила. Не думаю, что она посещала церковь и вообще поддерживала одну из монотеистических религий, но... Она говорила: «Бог есть любовь». Это я хорошо запомнила, как и то, что все люди – дети его. И если это так, то как ты можешь быть противна Богу? Ведь это именно он создал тебя такой. Ты венец его творения, Морган.

На ее лице отразилась вспышка уязвимого доверия. Минута томительных раздумий, длящаяся целую вечность, – и вот она решилась.

– Я хочу сбежать отсюда с тех пор, как мне исполнилось десять, – неожиданно призналась Морган. – Однажды я поехала на автовокзал, но мне было так страшно, что я вернулась... Мне и сейчас страшно, Одри.

Ее будто швыряло из стороны в сторону, как лодку в беспокойном море. Внушаемый с детства страх был так силен, что раз за разом бил ее о камни и отбрасывал назад.

Я снисходительно улыбнулась.

– Понимаю. Мне было тринадцать, когда умерла мама, а потом я потеряла всех шестерых братьев и сестер. Справляться со всем в одиночку непросто, потому я и хочу, чтобы ты разделила свое бремя с теми, кто несет его, как и ты. Я никогда не причиню тебе вреда. К тому же ты можешь за себя постоять. – Я ухмыльнулась, приподнимая свитер, под которым на животе краснело несколько воспаленных царапин от вороньих когтей. Морган пристыженно поморщилась. – И да, обращайся ко мне на «ты». Я ненамного старше тебя: мне всего лишь двадцать.

Выражение на ее лице потеплело, и она наконец-то расслабилась, расправив плечи. Морган перестала теребить крестик и обвела взглядом свои вещи, остановившись на сундучке со снимками и фотоаппарате.

– Я уже готова, – заявила она вдруг, схватив их в охапку.

– Эм-м... Уверена?

Морган потрясла передо мной рюкзаком, куда быстро запихала свои сокровища, включая сборник со страшными историями, – похоже, в большем она не нуждалась. Даже Библия осталась лежать на столе.

– Ну, как скажешь, – пожала плечами я. – Тогда идем и поговорим с твоими родителями, а затем...

– Нет! – вскрикнула Морган, и дверь захлопнулась у меня перед носом, едва я подошла к ней. – Пожалуйста, не надо! Давайте... просто уйдем. Без объяснений.

– Я могу наложить на них чары, – предложила я в качестве компромисса. – Чтобы они думали, будто ты гостишь у бабушки или отправилась в интернат, а тем временем...

Морган остановила меня и почти стыдливо призналась:

– Не надо. Я хочу, чтобы они знали, что я ушла. Чтобы гадали, почему я это сделала. Я ведь не зло. – Она поднесла руки к лицу, разглядывая свои пальцы, будто они были в чем-то испачканы. – Не зло...

Я промолчала, мысленно поставив галочку напротив пункта «Помочь Морган потравить тараканов в голове», и вышла из комнаты, жестом велев ей держаться сзади.

Что ж, это будет не просто.

– Мистер и миссис Гудвилл, есть разговор...

Внизу слышался смех, но он мгновенно утих, стоило нам с Морган показаться на лестнице. Она пряталась за моей спиной, прижимая к груди рюкзак и кутаясь в теплый шарф.

– Что, вот так быстро? – удивилась Тюльпана, держа в руке стакан молока. Похоже, она ни капельки не верила, что у меня получится. – Круто! Должно быть, вы действительно допекли свою дочь, раз она готова бежать от вас с первыми встречными тетками. Ладно, нам же лучше. Поехали из этого клоповника!

– Что происходит? – наконец подал голос Виктор, отодвигая стул, когда Тюльпана схватила с тарелки последнюю картофелину и засобиравалась. – Морган, ты куда?!

– Она уезжает с нами, – ответила я как можно спокойнее, встав между Виктором и Морган непреодолимым препятствием. – Считайте, что я из органов опеки.

– Вы не имеете права! – От пронзительного вопля Агаты, кажется, задребезжали стекла. – Морган, сейчас же отойди от них!

Я бросила взгляд на девочку, но та выглядела уверенно, хоть и не осмеливалась посмотреть на родителей. Виктор протянул мускулистую руку к Морган, но та отпрянула, придвигаясь к двери.

– Извини, папа.

– Морган, ты ведь даже не знаешь их... Куда ты пойдешь?!

– Неважно куда, лишь бы не оставаться здесь. Я не хочу больше так жить! – воскликнула она, проглотив отчаяние. – И случайно навредить вам или кому-то еще тоже не хочу. Дедушка говорил доверять своей интуиции... Он сказал, однажды я встречу кого-то, кто мне все объяснит...

– Этот безумный старик?! – взревел Виктор. – Он был болен, Морган! А болезнь извращает разум.

– Нет, папа, это ты не понимаешь! Дедушка теперь в порядке. Мы общались неделю назад...

– Ох! – Виктор схватился за голову. – Снова ты за свое. Это все бесы... Миражи! Дедушка теперь в лучшем месте, Морган. Он не мог говорить с тобой!

Она поджала губы, засомневавшись, но снова выпрямилась:

– Я знаю, что правда, а что нет. Я вернусь, папа, обещаю! Мне просто нужно время, чтобы понять...

– Нет, можешь не возвращаться, если сейчас переступишь порог! – предупредила Агата сквозь зубы, и прежде равнодушная Тюльпана вдруг вышла из себя.

Один щелчок пальцами – и рот Агаты стянуло невидимой пленкой. Ее глаза раскрылись от ужаса, она замычала, неистово замахала руками. Морган ахнула и вдруг... хихикнула.

– Жди на крыльце, – велела я ей серьезно, подтолкнув к двери. – А ты, Тюльпана, прекрати этот цирк!

– Развлекаюсь, как могу, – ответила она, и мне пришлось сделать вид, что я собираюсь броситься на нее, чтобы она щелкнула пальцами снова, снимая заклятие. – Вот же зануда!

Губы Агаты разжались, и она жадно глотнула воздух, ощупывая свой рот. Глаза ее налились, и вся она покрылась потом, пошатнувшись и опрокинув с кухонного стола сервиз.

– Боже милостивый! – вскричала она, поднимаясь и бросаясь к мужу, уже снявшему с каминной полки ружье. – Мы привели дьявола в наш дом!

– О нет, милая, – снисходительно улыбнулась ей Тюльпана. – Я гораздо хуже дьявола.

– Отойди, Агата! – крикнул Виктор и вздернул ружье, наставляя его на нас.

Даже когда он взвел курок, Тюльпана не отвела от его лица своих потемневших, вновь ставших аметистовыми глаз. Она очертила пальцем полукруг в воздухе, будто переводила стрелки часов.

– Виктор... Что ты делаешь?

Ружье, ведомое ее желанием, медленно повернулось и уперлось Агате в грудь. На руках Виктора вздулись вены. Он рычал, упирался ногами в пол и пытался опустить ружье, но не мог. Агата закрыла лицо руками, пятась к камину.

– Послушное стадо овец, воспевающее свою мнимую добродетель, – прошипела Тюльпана, и в ее злости таилось нечто такое личное и болезненное, чего мне было не понять. – Помощники приютов, сиделки, учителя воскресных школ... Вы всегда выбираете места, где живут те, кто слабее вас, кто не может дать вам отпор. Стекаетесь туда, как акулы на свежую кровь... Но посмотрите, что с вами сейчас! Как легко я, шлюха Сатаны, управляю вами двумя. Для этого мне даже не нужна Библия, как вашему пастырю. Ну и где же сейчас ваш Бог? Почему он не спасет вас от меня?.. Бам!

Пальцы Виктора легли на курок. Он вздрогнул, ожидая услышать выстрел, но Тюльпана лишь глумилась, посмеявшись, а затем позволив Виктору выронить ружье. Он застонал и обмяк на полу, не устояв на ватных ногах. Его лицо усеяли градины пота. Агата рухнула рядом: обхватила себя руками и начала молиться, раскачиваясь, как умалишенная.

– Вы... – прошептал Виктор. – Ведьмы!

Тюльпана закатила глаза и шевельнула запястьем. Дуло ружья закрипело, вдруг накалилось и согнулось в бараний рог, будто сделанное из пластилина. Потом оно подскочило, и приклад ударил Виктора в нос с такой силой, что брызнула кровь.

– Оружью не место в руках фанатиков, – равнодушно бросила Тюльпана и развернулась, двинувшись к выходу. – Смотреть противно. Закончи здесь сама. Я и Морган подождем снаружи.

Я не знала, как именно должна «закончить» все это, но в груди, как и у Тюльпаны, горел праведный гнев. Я смотрела на Агату, жмущуюся к Виктору, который пытался остановить кровотечение из носа. Оба, напрочь забыв об инстинкте самосохранения, смотрели на меня с обжигающей ненавистью и презрением.

– Вы всего лишь глупые люди, – прошептала я и, шагнув к ним, наклонилась: – Ваша дочь – агнец божий. Она не порождение зла! А вот я... я – да. Не вздумайте преследовать нас или искать. И не вздумайте запира́ть дверь перед носом Морган и наказывать ее, если она решит вернуться. Иначе... я вырежу ваши сердца и принесу их в жертву Сатане. И никакие молитвы вас не спасут.

Агата нервно икнула, а я развернулась и вышла.

– Про Сатану было мощно, – ухмыльнулась Тюльпана, уже докуривая сигарету: она, несомненно, все подслушивала. – Может, Шамплейн пора сменить культ?

Я передразнила ее и робко улыбнулась ничего не понимающей Морган, которая сидела на ступеньке. Тревожно поглядывая на дом и дергая ляжку рюкзака, она попыталась узнать:

– А родители...

– Они в порядке. Я наложу на них заклятие забвения, как только ты этого захочешь. А пока пусть поразмыслят над своим поведением. – Я взяла Морган под руку и потащила следом за Тюльпаной к кромке зеленеющего леса. – Сейчас будет твой первый полноценный ритуал! Тебе понравится.

Морган стоило усилий не оглядываться на дом, и, когда тот скрылся за деревьями, она грустно вздохнула. Надеясь, что телепортация настолько поразит ее, что отвлечет от грустных мыслей, я достала из кармана джинсов кусочек соляного мела и помогла Тюльпане начертить пентаграммы на трех тополях, которые стояли друг напротив друга, образуя треугольник. К тому моменту, когда мы закончили, солнце почти село, окрасив небо в винный цвет.

– Иди сюда, – подозвала я Морган, встав по центру и вытерев ладони о джинсы. – Не бойся. Просто закрой глаза.

Она покосилась на исчерченные мелом стволы деревьев, но подчинилась. Тогда я взяла ее за руку и приободрила улыбкой, дожидаясь, когда Тюльпана закончит свой рисунок и тоже встанет рядом.

– Ауч! Что опять?!

Я едва успела просунуть пальцы в сжатую ладонь Тюльпаны, как ее ногти вонзились в меня так глубоко, что заискрило в глазах.

Не говоря ни слова, чтобы не встревожить Морган, Тюльпана кивком указала мне на лесные заросли. Пока она на одном дыхании бормотала заклятие перемещения, я вглядывалась в вечерние тени и пыталась понять, что так ее напугало.

Там, в густой роще, развевалась длинная бежевая юбка с бахромой на подоле. Водолазка, плащ, кожаные перчатки закрывали каждый дюйм ее тела – открытым оставалось только лицо, тонкое и прекрасное, с металлически-серыми глазами, как у меня, и в обрамлении светлых кос.

Ферн приветливо улыбнулась и помахала мне рукой.

– *Ab uno loco ad alium*, – расслышала я шепот Тюльпаны, и мы исчезли из Ривер-Хейтс.

Я распахнула глаза и вжалась в угол обеденного зала, в котором стоял сервированный на семерых стол. Сердце колотилось так сильно, что казалось, звук эхом разносился в тишине особняка.

– Ух ты, какой дом! – заворковала Морган, будто такое дальнее путешествие сквозь пространство и время ничуть не потрясло ни ее ум, ни внутренние органы.

Даже Тюльпану слегка мутило, судя по зеленому оттенку ее лица. Мы смотрели друг на друга, но обе хранили молчание – каждая думала о своем и не решалась высказать эти мысли вслух.

– Ох, как здесь грязно... Ну ничего! Я умею хорошо прибираться.

Взглянув на Морган, которая, преисполненная энергии, бросилась изучать соседние комнаты, я поняла, что с домом что-то не так. Помимо непривычно глубокой тишины я вдруг заметила следы хаоса: разбитые тарелки и вазы, разбросанные стулья и сырая земля, раскиданная по ковру.

«Зачем тебе это, парень? Весь дом будет вверх тормашками. Одри это не понравится...»

Я услышала гомон голосов, раздавшихся за окном, и бросилась к двери, пролетев мимо декоративного столика. На нем лежало бычье сердце, пронзенное длинной черной иглой и перемотанное моим красным шелковым шарфиком.

– Вставай, мальчишка! Ты правда думаешь, что я доверю тебе защищать ее, когда ты и минуту продержаться не способен?!

Шум борьбы. Грохот упавшего навахона. Бархатный дразнящий голос, выкрикивающий что-то на испанском – не то одобрение, не то издевка. Шелест страниц и дотошное ворчание, из которого я поняла, что проворачивать что-то до моего возвращения было дурной затеей.

Но главное – женский голос, пробудившийся из древних глубин моей памяти и черного, как смола, прошлого.

Я выбежала на крыльцо, и на миг меня ослепило красное солнце, заходящее за горизонт.

– Долго мне ждать? – прикрикнула Рэйчел, поддевая лежащего навзничь Коула носком сапог. Наши глаза встретились, и ее меч, висящий над его головой, медленно опустился. – Ох, ангел...

– Одри?.. Одри! Черт, Сэм, лови ее!

Это было последнее, что я услышала, прежде чем соскользнуть со ступенек крыльца. Слабость навалилась теплым кошачьим пузом, и весь мир залило тьмой.

V Рашель

Когда это случилось, никто из нас не был готов.

– Слишком поздно, Одри, – сказала мне Рэйчел, прильнув к дверному косяку и выставив перед собой заряженный «винчестер». – Достань книгу и спрячься. Он уже здесь.

На аллее мелькнула тень, затмевая свет от ламп. В дверь постучали, а затем все пошло кувырком.

– Яви мне свою слабость... *Tolle signum... Cymryd oddi ar y sêl...*

Голос не слушался, но я продолжала шептать разрушающее заклятие, больше похожее на бессвязный набор слов. Я и сама не понимала их значение – смешение разных диалектов, запутанных и древних, как сам мир. Пальцы ныли, впивались в обложку и золотые пластины гримуара – настоящее произведение искусства, создаваемое поколениями ведьм. Ему было по меньшей мере восемьсот лет, и я не могла позволить заполучить такое сокровище психопату, который губил все, к чему прикасался.

В висках громко стучала кровь, но я продолжала повторять:

– Яви мне свою слабость...

Снаружи раздавались крики. Крыльцо трещало, превратившись в арену битвы, и окна разлетались вдребезги от пуль. Я не знала, кто кого швыряет и ударяет об стену – Рэйчел Джулиана или наоборот. Они дрались не на жизнь, а на смерть, пока я пыталась осуществить наш запасной план.

– Ну все! Мне это надоело!

Я услышала голос Джулиана, срывающийся и гулкий, как звон монеты, упавшей на дно колодца. Затем раздался грохот и отборная ругань вперемешку с металлическим лязгом – он выбил из рук Рэйчел сначала ружье, а потом навахон. Меч покатился по ступенькам с такой силой, что отломалась рукоять. Потом раздался звук ломающихся костей – и болезненный вопль. Дверь, которая отделяла меня от хаоса и смерти, распахнулась.

Отброшенная Джулианом, Рэйчел выбила ее и покатила по полу к моим ногам.

– Ты успела? – выдавила она, глядя на меня и глотая кровь, бегущую по разбитым губам.

Я посмотрела на книгу: сияние золотых пластин померкло, но сказать наверняка, спали ли с нее защитные чары, было невозможно. Однако мое невнятное мычание вполне устроило Рэйчел: она, кряхтя, поднялась с пола и схватила гримуар. Другую руку она прижимала к животу, откуда хлестала кровь, просачиваясь сквозь пальцы.

– Если чары не спали полностью, вместе с собой гримуар уничтожит и... – попыталась предупредить я, но Рэйчел уже не слушала, судорожно ища источник огня.

– Что это вы задумали?

В серых глазах Джулиана, ступившего на порог, можно было разглядеть отражение моего ужаса и ярости Рэйчел. Джулиану было всего шестнадцать, но уже тогда в нем плясали тени ада, который воцарился бы на Земле, если бы он стал Верховным.

Джулиан спокойно прошел в дом, который еще час назад казался нам безопасным убежищем, и его взгляд умаслился, встретившись с моим.

– Не делай глупостей, сестренка. Я ведь пришел воссоединить нашу семью.

Рэйчел прижала к груди гримуар, отходя к противоположному окну, и Джулиан снова сосредоточился на ней. Он сощурился, мгновенно забыв о моем существовании.

– Отдай книгу, – приказал он. – Ты была атташе нашей матери почти пятнадцать лет. Я уважаю тебя и не хочу убивать. Виктория бы тоже не хотела, чтобы все кончилось так...

– Знаешь, чего бы Виктория не хотела? Чтобы ее сын стал монстром и убил всех ее детей! – прорычала Рэйчел. – Ноа любил тебя... Как и Дебора. Как и другие. В какой момент ты так возненавидел их?! Все было хорошо... Это скверна... Она подчинила тебя себе. От Виктории в тебе уже давно ничего не осталось. Ты пустая оболочка, наполненная гнилью. Одри, уходи! – велела она мне тоном, не терпящим возражений, и махнула головой в сторону выломанной двери. Ее медные локоны всколыхнулись, когда она схватила с прикроватного столика керосиновую лампу и разбила ее.

Языки пламени уничтожают, уничтожают, уничтожают.

Масло расплескалось, и огонь тут же распространился везде: принялся лизать стены, шторы, старую потертую мебель, которой здесь, в заброшенной рыбацкой лачуге, было в избытке. Ее наверняка использовали как склад для рухляди, пока мы с Рэйчел не забрались сюда, сочтя это место идеальным обзорным пунктом. На лодке за десять минут можно было домчаться до середины озера, чтобы разглядеть в бинокль ковен. Рэйчел не хотела соваться туда, не удостоверившись, что все тихо и дом необитаем. Но кто же знал, что не спешка стала нашим роковым упущением, а ожидание? Пока мы готовились штурмовать родной дом, Джулиан следил за нами.

Теперь он стоял посреди заставленной комнатки, где располагались и ванна, и кухня с газовой плитой, и две узкие постели. Он не обращал внимания ни на жар, подступающий к нему, ни на меня, пятящуюся к выходу. Всем его существом завладела заветная книга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.